

Владимир Андросюк

ЗАПАД·ВОСТОК

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ
ТРИЛАДАНЬЯ

16+

Владимир Андросюк
Запад-Восток

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Андрюк В.

Запад-Восток / В. Андрюк — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Карельский край загадочен и таит в себе невероятно много легенд и мифов, которые передавались от поколения к поколению и дошли до наших дней. Предлагаемые читателю повесть («Запад–Восток») и две сказочные истории («Речная сказка» и «Легенда о Чёрном мысе») популяризуют карельскую культуру, знакомят с местными традициями, обычаями и устоями. Сюжеты этих произведений увлекательны, интересны и держат в напряжении до самого конца повествования. Книга написана на основе местных преданий, археологических находок и реальных событий, происходивших на территории Олонецкого района. Адресована широкому кругу читателей и будет, безусловно, полезна всем, кому дорог родной край, кто интересуется его историей и культурой.

Содержание

От автора	5
Отзыв о книге	6
Запад—Восток	7
Часть 1. Часы	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	46
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владимир Андросюк

Запад-Восток

От автора

Выражаю благодарность Пиккиеву Александру Васильевичу, Миловидову Вадиму Валентиновичу, Ефремовой Илоне Николаевне, Амосову Владимиру Дмитриевичу, Нестеровой Ирине Васильевне и многим другим за содействие, оказанное мне при подготовке издания.

Крайне обязан профессионализму работников Олонецкой районной и Ильинской поселковой библиотеки, коллективу Олонецкого национального музея карелов-ливвиков и её руководителю Наталье Васильевне Николаевой, преподавателю истории Олонецкой средней школы № 1 Понуровскому Андрею Викторовичу за информацию и советы, которые были использованы во время работы над книгой.

Особая благодарность Уткину Константину Олеговичу, Овчинниковой Ирине Евгеньевне, Толстихину Андрею Анатольевичу, Яковлевой Анне Алексеевне и Андросюку Ярославу Владимировичу за помощь в технических вопросах. Моё отдельное спасибо Кондрачевой Светлане Фёдоровне, которая работала над переводом некоторых частей книги на карельский язык.

Хочется пожелать новых находок поисковику и энтузиасту нашего местного краеведения Валерию Михайловичу Егоршину. Многие страницы и эпизоды данной книги основываются на результатах его поисков.

Отдельно хочу поблагодарить мою любимую женщину Наталью Валерьевну Баришевскую за замечательные и оригинальные иллюстрации, ставшие настоящим украшением этой книги, а также за все советы и замечания, способствующие её улучшению.

Владимир Андросюк

ОТЗЫВ О КНИГЕ

Карельский край загадочен и таит в себе невероятно много интереснейших историй и легенд, многие из которых связаны с событиями, повествующими о местных олонецких жителях, шведах и царственных особах. Эти легенды передавались из поколения в поколения, от прадедов, дедов и отцов к детям (так и дошли до нас). Именно такие легенды мы можем проследить в предлагаемых читателям двух сказочных историях и одной повести. Все они о родном карельском крае, о его природе и людях...

На страницах этих произведений можно встретить множество карельских слов. Читатели смогут также познакомиться с местными русифицированными названиями. Всё это позволяет активно популяризировать карельскую культуру и язык среди местного населения и тех, кто интересуется историей карельской земли.

Следует также отметить, что в данных произведениях переплетаются северные скандинавские образы с местными карельскими мотивами. Ряд олонецких легенд органично вошли в художественную окантовку представленных произведений. Все они проникнуты чувством любви к своему родному краю. История, вошедшая в сюжет повести, является одной из станиц русско-шведских взаимоотношений, которые не всегда имели положительные итоги. Читатели смогут познакомиться с реальными историческими персонажами и событиями, которые нашли своё отражение в истории нашей родины. Сюжеты произведений увлекательны, интересны и внимание к ним не ослабевает до конца повествования.

Автор включает в свой рассказ и образы местных жителей и реально существовавших исторических деятелей. Безусловно, эта книга будет полезна всем, кто интересуется историей карельского края, а также тем, кто любит по-настоящему загадочные необычные истории.

А. В. Понуровский, историк-краевед

Запад—Восток

Часть 1. Часы

Глава 1

С озера Меларен теплый майский ветерок нес запах воды и расцветающей черемухи. Вечер был хорош, и обычно мрачноватый Стокгольм дружелюбно распахнул ранее наглухо заделанные на зиму окна, откуда лукаво улыбались прохожим молодые девицы. Именно поэтому сегодня не хотел никуда спешить сэра Джон Картерет¹ – посланник его Величества короля Великобритании Георга Первого. Неторопливо шел он, в раздумьях постукивая тростью по мощеной мостовой улицы Монахов. Сзади слышалось шарканье ног: это брели за хозяином «бездельники», как сэра Джон их обычно называл, а именно его старые слуги Оливер и Тед. Несомненно, обоим вовсе не хотелось таскаться за философски настроенным хозяином, а хотелось немедленно перекинуться картишками за кружечкой доброго пива в ближайшем кабаке. Но сэра Джон не давал пока своего на то благословения, и потому шарканье изрядно стоптанных сапог вторило постукиванию хозяйской трости с набалдашником в виде головы льва. Стокгольм сильно обезлюдел с той поры, когда Картерет приехал сюда в качестве посланника великой державы и Великого герцога Мальборо² одновременно. Дело было в том, что в сражении при Бленгейме³ юный Картерет, который был лейтенантом у герцога, был тяжело ранен и должен был оставить мысль о военной карьере. Мальборо, ценивший цепкий ум своего подчиненного и умение того договариваться с самыми разными людьми, сумел тогда убедить королеву Анну доверить бывшему лейтенанту ответственный пост посланника в Шведском королевстве. Надо сказать, что со своими обязанностями сэра Джон справлялся прекрасно. С той поры минуло уже пятнадцать лет. И хотя года и заботы уже весьма заметно набросили инея на виски посланника, но глаза его блестели по-прежнему молодо, шаг был быстр и упруг, хотя былая рана довольно сильно давала знать в последний год, а жесты тонких в кости рук были хищными и энергичными. Но всё же это был совсем другой Картерет. Работа в качестве посланника на службе английской короны сделали его циником. Сэра Джон теперь твердо знал две вещи, а именно те, что все люди продажны и что никто точно не знает своей стоимости. Как водится, персоны важные стоимость свою были склонны завышать, и в таких случаях посланник всегда вспоминал высказывание одного турецкого паши, что люди подобны фруктам в базарный день и потому утром за них запрашивают слишком большую цену, а вечером отдают за бесценок. Это изречение он частенько приводил при торге с тем или иным нужным ему человеком и при этом всегда иронично улыбался, что весьма обескураживало собеседника. Поэтому-то вся дипломатическая служба, когда-то представлявшаяся ему весьма темной и сложной, а потому и интересной, теперь свелась к рутине, когда требовалось лишь найти нужного человека и дать ему не превышающую разумных пределов сумму денег, ибо королевская казна – не рыба в руках Иисуса⁴.

¹ Джон Картерет – британский государственный деятель. В 1719 году был послом в Швеции.

² Мальборо Джон Черчилль (Черчил) (26 мая 1650–16 июля 1722 г.) Знаменитый английский полководец и политический деятель. 1-й герцог Мальборо. Уинстон Черчилль является потомком герцогов по мужской линии.

³ Бленгейм – название местечка в Баварии, где герцог Мальборо одержал величайшую в своей карьере победу в битве с французскими войсками 13 августа 1704 года.

⁴ ...ибо королевская казна не рыба в руках Иисуса (имеется в виду ссылка на Новый завет, например Евангелие от Матфея, гл. 14, где упоминается случай, когда Иисус накормил пятью хлебами и двумя рыбами более 5000 человек в пустыне).

Джон Картерет

Да, Стокгольм, некогда многолюдный и живой, в этот майский день не был слишком весел, ибо война с Россией, шедшая вот уже девятнадцать лет, и чума, поразившая Швецию пять лет назад, заметно прибавили кладбищенского населения, убавив городского. Лица редких прохожих были зеленовато-бледными после зимы, и каждый из них шел, не глядя на прочих, думая про себя свою невеселую думу. Проникшийся общим настроением сэр Джон с

улицы Монахов завернул к Немецкой церкви, затем пересек Большую площадь и, наконец, достиг здания Риксдага, где к этому времени должно было закончиться заседание с королевой Ульрикой во главе. Увы, он пришел совсем уж поздно и почтенные отцы города и страны большей частью разъехались во все стороны, дабы завершить свой день добрым обедом и разговорами со своей доброй Гретой или Кларой. Совершенно поскучевший посланник развернулся на каблуках своих ботфорт так, что бездельники, следовавшие за ним, чуть было не врезались в своего хозяина, едва успев отскочить в разные стороны.

– Ты, Оливер, и ты, Тед, – вы оба свободны до девяти часов вечера, – мрачно пробурчал сер Джон, – жду вас ровно в девять часов, джентльмены. Желательно без синяков и в целой одежде. Картерет иногда любил слегка поиздеваться над слугами: те были добрыми малыми, хотя и не без некоторых, свойственных простолюдинам, слабостей. Бездельники просияли и, пообещав хозяину не опаздывать, мгновенно исчезли как некие духи. Сэр Джон же в задумчивости отправился назад той же дорогой, которой сюда и пришел. Он успел миновать Большую площадь, когда звук медленно следующей мимо его кареты, запряженной парой вороных коней, заставил его повернуть голову. В окне кареты он успел заметить знакомое ему лицо почтенного сенатора Риксдага и весьма известного своим состоянием негоцианта старика Оскара Линдгрема. Старик приветливо, но со свойственной ему важностью махнул посланнику рукой и что-то приказал кучеру. Карета остановилась. Дверца кареты приоткрылась, и в просвете показалась седая голова с жидкой, трепещущей на ветру бородашкой.

– Доброго дня, доброго дня, господин посланник! Как я вас понимаю! Вы, верно, гуляете в такой прекрасный день! Как я вам завидую!

Сэр Джон снял свою треуголку и раскланялся, думая одновременно о том, что если птица тебе щебечет, то, несомненно, чего-нибудь да попросит. И не ошибся. Между тем, старый Линдгрем, сопя и кряхтя, уже выползал из своего уютного гнездышка на колесах.

– Уффф! Да, молодой человек, вот она, старость! Да-да! У вас, можно сказать, все еще впереди. А я вот... Все суета сует, все суета сует, – продолжал изнывать хриплый старческий дискант. – Если вы позволите, я составлю вам общество, да и до моего дома совсем уж близко. – Старик махнул в сторону огромного, старинной постройки особняка с башенками и узкими, но высокими окнами.

«Определенно старой лисе что-то нужно, – про себя думал посланник, деланно изобразив вежливую улыбку. – Впрочем, все к лучшему. Может, удастся выудить из него что-нибудь насчет сегодняшнего заседания Риксдага».

Оба медленным шагом направились в сторону особняка.

– Да! – немного помолчав, вдруг перешел на деловой тон Линдгрем. – Давайте говорить прямо, сэр Джон. Англия – дружественная нам держава. Наша страна ведет тяжелейшую войну с Россией. Наш несчастный король, на которого лишь и оставалась надежда, погиб. Несчастной Швецией правит женщина. Казна пуста. Мужчины или убиты, или, как я, стары и бессильны. Мы хотим знать, может ли Англия, как дружественная нам держава, оказать нам помощь? Вы понимаете, что я имею в виду, – объявить войну России. Если русский медведь задавит нас завтра, то послезавтра он будет грызть вас, мистер Картерет. То, о чем я вас спросил, хотел бы знать каждый швед, но так как не всем надо знать, что скажете мне вы, я обещаю сохранить в секрете ваши слова.

«Дураки, они еще надеются! – подумал про себя Картерет. – Уж могли бы сообразить, что Англии нет никакого резона отправлять своих парней в топи Петербурга, или – помилуй бог! – жечь азиатскую Москву. Уж лучше пусть русские варвары по дешевке сами снабжают флот его величества короля пенькой, льном и строевым лесом».

Вслух, однако, сэр Джон этого не сказал.

– Я также буду с вами откровенен, господин Линдгрем. В настоящий момент моя страна ведет войну с Францией, как на континенте, так и в американских колониях. Английская казна

пуста. Наше положение ничуть не лучше положения Швеции. Англия не может рисковать отправить флот в Балтийское море. Если он погибнет, то мы теряем колонии. Отсюда следует...

– Отсюда следует, что лучше Англии выгодно торговать с русскими, а нам оставить слова утешения. Ах, молодой человек! Когда-то я тоже выгодно продавал медь и железо в Россию! – старик опустил седую голову и на миг задумался. – Да, вы меня не утешили. Впрочем, я это знал заранее. Ну, что же, вот и дошли, и спасибо вам за приятное общество.

Линдгрем махнул рукой и направился к двери дома, большой и дубовой. Картерет стоял и смотрел ему вслед. Ему пришло в голову, что он так и не успел спросить старика о том, что же обсуждал сегодняшний Ригсдаг с королевой во главе.

– Эй, сэр Джон! – услышал он вдруг хриловатый голос старого Линдгрема. – Я думаю, что вам будет интересно узнать насчет заседания Ригсдага. Знаете, приходите-ка завтра вечером ко мне. Я вас приглашаю в гости. Приходите часов, эдак, в семь вечера. Я буду вас ждать!

Дверь за стариком затворилась.

* * *

Посланник великой державы должен быть точным, и это полностью соответствовало сэру Джону. Ровно в семь часов вечера четверка великолепных вороных, доставившая его неизменную пару бездельников на запятках кареты, кучера Харри и, собственно, самого посланника, зацокала копытами возле старинного особняка старика Линдгрема. Бездельники были одеты в новенькие, с иголочки, ливреи брусничного, аппетитного цвета – их лица стремились подражать собственной форме. Головы обоих гордо несли также новенькие треуголки с кокардами в виде голов британского льва. Кучер Харри же был наряжен в торжественно-черный кафтан с треуголкой такого же цвета. Шею его согревал длиннющий, почти белоснежный, насколько это может позволить кучеру его ремесло, шарф. Руки Харри, в бывших перчатках хозяина, также белого цвета, крепко сжимали вожжи и длинный тонкий хлыст. Кони же были почти не одеты, если не считать подков, но, тем не менее, привлекали к себе больше внимания зевак, чем весь посольский кортеж своей изящной точностью голов и статью. Сам Картерет, надушенный и торжественный, видимо, решил преподать неотесанному негоцианту урок хорошего вкуса. Башмаки с серебряными пряжками, кюлоты⁵ а-ля Людовик Четырнадцатый, великолепный темно-синего бархата камзол с серебряными с рубинами пуговицами, парчовый жилет, из-под ворота которого горделивой змеей вился розовый шелк галстука, широкополая шляпа с пучком страусиных перьев и, конечно же, пышнейший пуделеобразный парик, чуть устаревшего фасона, – вот приблизительное описание костюма, который сэр Джон одевал по особенно важным случаям. Почему-то ему казалось, что сегодня как раз именно такой случай. Их, несомненно, ждали, ибо возле гостеприимно распахнутой массивной дубовой двери на улице выстроилась вся обслуга старика Линдгрема – от последнего поваренка до дворецкого, привлекающего взгляд своим богатырским ростом и выправкой бывшего королевского гренадера. Сам Линдгрем стоял во главе своего домашнего войска, подпираемый резервом в виде почтенной супруги Амалии, важно топырящей пухлые губы и строго посматривающей то на строй прислуги, то на гостей. Механизм гостеприимства у четы Линдгремов был отточен, поэтому через пять минут после прибытия четверка коней уже хрупала сеном на конюшне, Харри и бездельники были отведены в людскую, где им было разрешено перекинуться в карты до отъезда. Посланник с хозяевами, в свою очередь, поднялись по широкой дубовой лестнице на второй этаж, где располагалась гостиная. Несмотря на то, что на улице щебетали птицы, цвела черемуха и грело еще высокое солнце, в доме было холодно и сумрачно. Свечи экономили, окна не

⁵ Кюлоты – короткие, застегивающиеся под коленом штаны, носить которые имели право только аристократы. Кюлоты носили с чулками и башмаками с пряжками.

открывали. Но сэр Джон, как истинный дипломат, нашел положенным подольститься хозяину, отдав должное суровой красоте и доброму вкусу старинных строителей дома Линдгрема.

– Да! Да, сэр Джон! – засипел уже знакомый дискант купца. – Это были строители! Сейчас таких уже не найдешь! При добром короле Густаве Адольфе строили добрые мастера. А сейчас? Я знавал, правда, одного славного каменщика, да и тот, спаси Бог его душу, пропал без вести в Ингрии⁶ уж пяток лет назад.

Линдгрем смолк, а Картерет пока взвешивал про себя, как подвести разговор к заседанию Риксдага, позиции королевы и прочим вещам, интересным для дипломатии. Прикидывал, какую секретную мелочь можно скинуть, если купец предложит что-нибудь интересное. Но за этими мыслями он не заметил, что в гостиной нависло начинающее становиться неловким молчание. Впрочем, оно было оборвано слугами, внесшими в комнату легкое угощение в виде венгерского вина и блюда с различными фруктами. После второго бокала диалог бодро восстал из мертвых.

– Мне кажется, дорогой мастер Линдгрем, что обе наши нации отличные воины. (Как же! Швеция потеряла почти все земли в северной Германии, всю Прибалтику. Варвар Петр строит свою новую столицу в бывших владениях Швеции. Лучшие солдаты покойного короля удобряют своими костями дикие степи где-то под Полтавой. Нет, эта карта бита и делать ставки на Швецию опасно!). Но что касается торговли, то мы – англичане – в торговле вас все-таки превосходим.

– Увы и ах, сэр Джон! Мы слишком долго и тяжело воюем, без союзников, против целой своры борзых, которые вцепились в шведского льва. И воюем, между прочим, за вас! (Англичане не идиоты, а поэтому лучшие торговцы, чем мы. И правда, к чему им тащиться на войну за тридевять земель и, главное, зачем? Нет, посол совершенно прав!). Но я, как негоциант, вас вполне понимаю. Ваши корабли везут в Россию ту же самую медь, которую раньше продавал русским я.

– Вы жалеете об этом, мастер Линдгрем?

– Я жалею об этом, сэр Джон. Королевские мануфактуры, которые льют пушки из моей меди, платят мне вполовину от того, что я имел от торговли с варварами. Я потерял целое состояние!

– Я сочувствую вам, мастер Линдгрем. Может быть, я могу чем-нибудь вам помочь? (ключет?)

Я не знаю, чем вы можете мне помочь. (Ого, вот это ближе к делу! Только осторожно, старина Оскар!) Или вы предлагаете мне продавать медь Петру? Я швед, господин посланник. Это просто невозможно!

– Well, мастер Линдгрем! Я вовсе этого не предлагаю. Я предлагаю вам продавать медь нам – англичанам. А то, что мы свободно торгуем с дикарями, это уже не должно вас касаться. (Надо сразу брать старика за жабры, если он согласится, а он, чувствую, согласится, будь я проклят!) Я сведу вас с одним моим соотечественником. Конечно, в этом для него будет риск, как и риск для моей репутации, согласитесь...

– О, да! О да, господин посланник! Торговля – это всегда риск. Я понимаю, понимаю! (Только не спеши, старина Оскар. Надо поторговаться с этим английским дьяволом.) Это можно обговорить. Но не стоит слишком спешить. Надо все хорошенько обдумать. Когда я смогу поговорить с вашим земляком?

⁶ Ингрия – историческая область на северо-западе современной России. Располагается в области ограниченной с севера рекой Сестрой до южной границы примерно по реке Луге. Западной границей является берег Финского залива, Чудское озеро и река Нарва, а восточной – Ладожское озеро. Со времени Столбовского мира 1617 года область была шведским владением. В ходе Северной войны Ингрия вновь отошла к России. Кстати, Санкт-Петербург был основан именно на территории Ингрии в 1703 году.

– Я напишу ему. Сейчас он должен быть в Лондоне. В любом случае это не займет больше месяца. Не должно. И еще, мастер Линдгрем. Я это делаю для вас совершенно бесплатно.

– Я очень это ценю, сэр Джон! Я ваш должник. Но старый Оскар Линдгрем – купец! Старый Линдгрем не любит быть должником. Вы ведь, наверно, хотели знать, о чем говорили на Риксдаге позавчера? Вам будет это интересно. Ведь хотели?

– Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела.

– Ладно вам. В обмен на вашу любезность... На Риксдаге было решено искать возможности заключить мир с Россией.

В комнате повисло тяжелое молчание. Множество мыслей за один момент промелькнуло в голове посланника его Величества короля Англии. Значит, мир... В таком случае Россия невиданно усиливается, а Швеция становится ничтожной на карте мира, никому не нужной и ничего не значащей. Это плохо. Очень, очень плохо. Это противоречит интересам Великобритании.

– Это твердо решено, мастер Линдгрем?

– Мы все потеряли на континенте. Денег в казне нет, хотя налоги растут и растут. У нас нет союзников, а у врагов целая коалиция. Этот дьявол Петр вот-вот скоро высадится в Швеции, и с моря некому нас защитить, потому что флот потерян. Еще немного, и русские отберут у нас Финляндию. Даже сама королева хочет заключить мир. Ах, мистер Картерет, если бы он сдох! Если бы Бог покарал его и он сдох, этот косматый дьявол Петр! Тогда у нас еще был бы шанс! Почему дикие стрельцы не зарезали его в младенчестве! Почему его бородастые бояре не подсыпали ему яду!

– Я согласен с вами. Смерть Петра была бы выгодной для Швеции.

В этот момент в дверь гостиной тихо постучали, и Линдгрем, резво вскочив с кресла, исчез за нею. Спустя какое-то время он вернулся, но вернулся не один, а в сопровождении совсем юной девушки в весьма простом, длинном платье.

– Господин посол должен меня извинить, потому что я должен отлучиться на полчаса. Я хочу познакомить вас с моей внучкой Агнессой.

Картерет вскочил и галантно раскланялся.

– Хочу предложить вам, господин посол, чтобы в мое отсутствие Агнесса показала вам дом. Когда я вернусь, то мы поужинаем.

Старик вышел.

Посол с Агнессой по лестнице поднялись на третий этаж. Агнесса со свечой в руке шла впереди, и посол, следовавший за ней, мог видеть маленькие ее ножки в изящных с жемчужными узорами красных башмачках, смотревшихся не в тон простому платью. В коридоре третьего этажа было еще мрачнее, чем там, откуда они только что поднялись. Похоже было, что этот этаж был давно покинут, так как каждый их шаг поднимал клубы пыли. Здесь пахло мышами и плесенью.

– Представляете, я провела здесь все детство. Вот моя бывшая комната, – промолвила Агнесса, обернувшись к посланнику. – Мне всегда было страшно здесь, и это длилось годами.

Она отомкнула первую дверь анфилады. Комната средних размеров предстала перед ними, с двумя узкими и высокими, как во всем доме окнами. Мебель была, большей частью, вся старинная, немецкая, к великому удивлению посланника. Точно такие же резные ясеневые шкафы с медными ручками в виде львиных голов сэр Джон имел возможность видеть во время своей службы у Мальборо в Саксонии. То же самое можно было сказать и о стульях, спинки которых украшали гербы прежнего владельца. Судя по всему, они некогда окружали двумя по-солдатски стройными шпалерами длинный обеденный стол в каком-либо саксонском или баварском замке. Неисповедимы пути господни! При виде всех этих вещей, проделавших столь долгий путь и коротающих свой деревянный век за тысячу миль от родины, на сердце сэра Джона легло острое чувство ностальгии. Он вдруг подумал, что прошло уже полтора десятка

лет и что он изменился и постарел, а они – шкафы, стулья, и столы – служат людям уже невесть сколько времени и впредь будут спокойно-царственно смотреть на своих мимолетных хозяев с иронической улыбкой на этих львиных мордах, когда от посланника его Величества уже и следа на земле не останется. Отбросив, наконец, подобные мысли, сэр Джон продолжил знакомство с комнатой Агнессы далее. Старый деревянный стол с простенькой резьбой теснился к одному из окон, на столе топорщилась пером чернильница с давно высохшими чернилами. К столу было придвинуто старое, с бульдожьими коренастыми ножками, кресло, на котором лежали какие-то листочки бумаги, частью исписанные мелким подчерком, а частью чистые. Но посланник не смотрел уже ни на кресло, ни на стол, ни на расставленный у противоположной стены ряд сундуков. Даже необычная для девичьей комнаты географическая карта в проекции Меркатора на стене не привлекла его внимания, не удивила его. Картерет смотрел на освещенное пламенем свечи лицо Агнессы. Но девушка не заметила его пристального взгляда и, видимо, погрузившись в какие-то ей дорогие воспоминания, с грустной улыбкой гладила старый, облупленный лак стола, как будто спину неведомого зверя.

– Пойдемте, как видите, здесь нет ничего интересного, – сказала она. – И еще, простите меня за глупую просьбу, сэр Джон, разрешите мне держать вас за руку. То есть, – засмушалась она. – Не могли бы вы взять меня за руку. Мне просто страшно здесь! – И добавила: – Ну правда!

Так одну за другой, со свечами в руках, как новобрачные, осмотрели они все прочие комнаты на этом этаже. Но Картерет уже не обращал внимания на старинные портреты с почтенными мужчинами в старинных костюмах, на забавную тяжеловесную мебель на толстых порослячьих ножках, на оружие старых времен, развешенное по стенам, а впрочем, еще вполне годное для доброй резни. Сэр Джон с глупой, почти счастливой улыбкой на лице, как верный пес, следовал за дробным стуком маленьких красных башмачков Агнессы. Он почти ничего не понимал из всего того, что ему она говорила, он потерял дар речи и только согласно мычал время от времени. И если бы сам великий герцог Мальборо увидел своего храброго лейтенанта в таком виде, то карьера сэра Джона так бы и остановилась на звании лейтенанта.

– А вот и самая жуткая комната из всех, – таинственно взглянула на него девушка, отпирая последнюю дверь большим длинным ключом – на такой запирались иные городские ворота. – Это комната моего прадедушки. Это он и купил когда-то этот дом.

Картерет, наконец, пришёл в себя и первым, высоко подняв над головой руку с горячей свечой, шагнул в помещение. Ничего не было в нем особенного, только слой пыли в этой комнате был куда больше, чем в предыдущих. Массивная дубовая кровать, задернутая балдахином, два тяжеловесных старинных промятых кресла, те же старые добрые сундуки, столь любезные этому дому и неизвестно что хранившие. Старые книги роскошной печати на длин-

ной яseneвой полке привлекли внимание посланника, ибо он любил проводить досуг за чтением. Но книги все оказались скучными сборниками законов шведского королевства времен Великого короля Густава Адольфа, чей портрет, кстати, украшал одну из стен. На противоположной стене был еще один, где был изображен худощавый мужчина, со старческими впалыми щеками и тусклыми оловянными глазами, смотревшими на гостей холодно и подозрительно. Старик был одет в длинную черную мантию и головной убор, что носят судейские чины. В правой руке его было перо, левой же он указывал на маленькую статуэтку богини, олицетворяющей правосудие.

– Так ваш прадед был судьей? – обратился сэр Джон к Агнессе.

– Вы угадали. Дедушка говорил мне, что он воевал с королем на континенте, в Германии, а затем стал судьей. Он купил этот дом, но вскоре умер. Умер он как-то таинственно. Дедушка говорит, что его околдовали. Ведь прадедушка приговаривал колдуний и колдунов к смерти, за что же им его любить? Но я думаю, что все это сказки и его, скорее всего, просто отравили. Спросите у дедушки сами, сэр Джон. Я тоже с удовольствием послушаю. Я люблю страшные истории!

Картерет, тем временем, перевел глаза с портрета на старинную кирасу, что висела на стене, изрядно помятую во многих местах, далее старинной формы шлем, шпагу на перевязи и мушкет, старинный мушкет с облупившимся на прикладе лаком, но без единого пятнышка ржавчины на стволе. Видно было, что прежний хозяин следил за своим оружием, и Картерет подумал, что прадедушка Агнессы был, похоже, лихим рубакой в свое время, и снова с одобрением и любопытством взглянул на портрет. Девушка прикоснулась к его локтю.

– Теперь мы всё здесь посмотрели. Дедушка, наверное, уже вернулся. Пойдемте вниз!

Они направились к двери, и тут сэр Джон невольно ахнул и остановился. Агнесса с удивлением посмотрела на него. Но теперь сэр Джон на минуту позабыл обо всем на свете, и его восхищенный взгляд был направлен на часы, которые висели над самыми дверями. Да, это были старинные часы, великолепной, скорее всего, итальянского мастера работы, насколько мог судить сэр Джон, а судить о подобных вещах он мог достаточно верно, как любитель антикварных вещей. Корпус часов был бронзовым, бронза уже изрядно потускнела, и тонкий отчеканенный растительный орнамент кое-где покрылся легкой коростой зеленоватого цвета. Несколько же фигурок библейских персонажей были позолочены и даже под слоем пыли отсвечивали теплым желтоватым светом, как только что изготовленные. В нижней части часов висели чешуйчатые кольца древний змей-дьявол. На левой стороне корпуса льнула к тонким золотым листкам гибкая фигурка Евы, которая держала в руке яблоко, выполненное, видимо, из крупного граната. Справа Адам, коленапреклоненный, в мольбе склонив голову, протягивал к небу ищущие прощения руки. На самом же верху часов, что было логично, старец-судия, вынося приговор, указывал торжественной дланью вниз – к земле, праху, бездне. По обе стороны от старца кудрявые ангелочки с миниатюрными крыльями, надувая щеки, трубили в трубы, призывая все сущее по земному кругу быть свидетелями справедливости божественного правосудия. Нет, часы были действительно работы великого мастера! Они были чудесны! Но безжизненная одинокая часовая стрелка⁷, подобно руке старца, остановилась в положении около половины шестого часа то ли ночи, то ли утра.

– Они остановились, когда прадедушка умер, – тихо проговорила из-за спины посланника Агнесса. – Так дедушка однажды мне сказал. – И добавила: – Пойдемте же, мистер Картерет!

Картерет редко присутствовал на ужинах в домах богатых негоциантов, но даже из этого небольшого опыта помнил ту великую скуку, которая обычно терзала всех присутствовавших. Начало ужина у любезного Линдгрема также не обещало ничего хорошего, и только лишь при-

⁷ ...безжизненная часовая стрелка – в средние века на механических часах имелась только одна часовая стрелка. Минутная стрелка появилась в 1680 году.

сутствие Агнессы несколько утешало сэра Джона. Увы, посланника отделял от нее мощный бюст и тройной подбородок почтенной фру Амалии. Про себя сэр Джон уже прозвал ее и Аргусом, и Цербером, и даже медузой Горгоной, ибо к великому своему конфузу при попытке скосить глаза в сторону милой Агнессы его взгляд неожиданно уперлся в скошенный в его сторону подозрительный взгляд матроны. Более того, с другой стороны стола за ним присматривала родная сестра Амалии, Клара, и ее супруг – Карл Берг – полковник королевского драгунского полка в отставке. И поэтому, едва Картерет поднимал взор перед собой, как сразу же наткнулся на полные неумного любопытства буркалы четы Бергов. «Вот ведь дьяволово отродье! Обе сестрицы просто Сцилла с Харибдой!»⁸ Хорошо, что купец не назвал на ужин еще кого-нибудь. А ведь мог!» – сердито думал про себя Картерет.

Тем не менее, отличное Токайское вино вкупе с великолепно приготовленной куропаткой и норвежским лососем сделали свое дело и беседа оживилась. Берг, как бывший военный, естественно, завел разговор о войне, а фру Амалия и ее сестра пытались перетянуть сэра Джона к ценам на английское сукно, последним тенденциям моды в Англии, и личной жизни посланника. Сэру Джону приходилось лавировать, как китобойному судну среди айсбергов, пока не раздался спасительный голос сытого и подбравшего хозяина дома.

– Как вам понравился мой старый домик, мистер Картерет? Агнесса вам все показала?

– Нет, дедушка! – ответила за посланника Агнесса. – Мы успели посмотреть только третий этаж. Там было темно и страшно! А сколько там пыли!

– Да, – пришел ей на помощь Картерет и, склонившись над самым столом, чтобы избежать препятствия в виде бюста фру Амалии, взглянул на Агнессу, за что был награжден улыбкой и благодарным взглядом чудесных голубых глаз. – Я давно не получал такого удовольствия. Дома, в Англии, я коллекционирую старинные вещи, а у вас, мастер Линдгрэм, и без того целый музей!

– Я предпочитаю ничего не трогать там. Мой отец – великий человек! Это он купил этот вот дом, и с него идет слава нашего рода, хотя, к сожалению, ему недолго довелось насладиться мирной жизнью. Видели вы его портрет, мистер Картерет?

– Это, где он в судейской мантии? Да, видел. Замечательный портрет!

– Это работа Якоба Эльбфаса⁹. Кстати, он же рисовал и портрет короля Густава. А король Густав – Великий король Густав Адольф, упокой господь его душу, – голос старика торжественно засипел – был личным другом моего отца! Давайте же выпьем, дорогой сэр Джон, за истинную дружбу!

– С удовольствием, дорогой мастер Линдгрэм!

Все подняли кубки. Слуги украдкой внесли корзину с запыленными бутылками. Картерет вспомнил о часах.

– Ваша милая внучка, – вкрадчиво повел речь Картерет, – сказала, что с вашим отцом произошло что-то нехорошее. Вы не могли бы рассказать мне эту историю? – И снова наклонившись, заглянул в лучистые глаза Агнессы.

– Дедушка, расскажи господину посланнику, если ему интересно. Я тоже с удовольствием послушаю! Да и все остальные тоже. Правда, бабушка?

Бюст шелохнулся, и тройной подбородок согласно заколыхался.

– Правда, но я боюсь, что то, что Оскар расскажет господину посланнику, будет лишь глупой сказкой, пусть и старой.

⁸ Сцилла и Харибда – морские чудища из античной мифологии, особенно ярко представленные в Одиссее Гомера. Выражение «между Сциллой и Харибдой» сопоставляется с фразой «Между молотом и наковальней», употребляется в значении: оказаться между двумя враждебными силами, когда опасности и неприятности грозят с двух сторон.

⁹ Эльбфас Якоб – Якоб Генрих Эльбфас (1600–1664). Шведский художник, автор портретов многих политических деятелей Швеции своей эпохи.

– Бабушка! – возмутилась фрекен Агнесса. – Что ты такое говоришь! Дедушка, не слушай ее, начинай, пожалуйста!

Слуги налили гостям новую порцию венгерского в бокалы и по знаку хозяина удалились. Все присутствующие расселись поудобнее. Линдгрем, крихтя, поднялся с кресла и, взяв свой бокал, начал в раздумье расхаживать вдоль стола по комнате. Улыбка сошла с его лица, и, похоже, доброе расположение духа покинуло его. Сэр Джон внимательно наблюдал за ним. Наконец, старик откашлялся и, отхлебнув вина, начал:

– Эээ, кхе-кхе, ты, полковник, и ты, Клара, портрет тоже видели? Ведь так? Так вот: всё что я вам сейчас расскажу, говорила мне когда-то моя мать, и у меня нет оснований ей не верить. Она была честнейшей, благородной женщиной и её уважали все!

Указательный палец Линдгрема торжественно потянулся к потемневшим от времени потолочным балкам.

– Хотя, не скрою, история эта мне лично кажется странной. Итак, мой отец Аксель Линдгрем был другом Великого короля Густава Адольфа и командовал ротой королевских драгун. Вместе с королем он высадился на континент в Германию в 1630 году. Мать мне всегда говорила, что капитан королевских драгун Аксель Линдгрем непременно погиб бы при Люцерне¹⁰ в 1632 году, защищая труп друга и короля, если бы не был ранен раньше – при Брейтенфельде¹¹. Он приехал на лечение в Швецию и назад в Германию уже не вернулся. К тому времени король уже погиб. Канцлер Оксеншерн, зная честность отца, назначил его председателем суда в Стокгольме. Тому нужны были честные и надежные люди. Да, я еще должен добавить, что отец вернулся из Германии весьма состоятельным человеком...

«А-а-а!» – про себя подумал сэр Джон. – Как же это я сразу не догадался! Честнейший судья в Германии неплохо поработал в бытность свою капитаном! Судя по всему, его милейшие драгуны обчистили не один замок в Саксонии! Теперь-то мне понятно, откуда в его доме тамошняя мебель! Хотя будем честны: и мы, английские солдаты и офицеры, тоже этим не брезговали. В свое время и мой великий шеф Мальборо тоже не отличался скромностью. Но такова природа человека и с этим ничего не поделаешь!» – заключил посланник, снова обращая свое внимание к рассказу Линдгрема.

Однажды в суде слушали дело какой-то колдуньи, – продолжал, между тем, старый купец. – И дед приговорил ее к костру за ее преступления. Она же его прокляла.

Глава 2

– Уррр! Ну и мороз! В карете ехать невозможно, идти тоже. Проклятая мушкетная пуля катается в бедре! – приговаривал судья Аксель Линдгрем, входя в заднюю комнату королевского Стокгольмского суда, где уже собралась после обеденного свиного окорока с пивом вся судейская мелкая братия вроде посыльных, секретарей, адвокатов и советников. При виде судьи все встали и раскланялись. Линдгрема не то чтобы слишком уж уважали, но как любимчика покойного короля и протеже великого канцлера и тезки судьи, Акселя Оксеншерны, побаивались. Вероятно, от постоянной боли, что мучила бывшего капитана драгун так и не извлеченная из былой раны мушкетная пуля, Аксель Линдгрем был желчен, придирчив и мелочен, что, впрочем, весьма радовало адвокатов, любивших тянуть из процессов свою золотую нить.

¹⁰ Лютцен – город в Саксонии, где 16 ноября 1632 года произошло одно из самых больших сражений Тридцатилетней войны между шведской и имперской армией. Шведская армия одержала победу, но во время битвы шведский король Густав Адольф был убит.

¹¹ Брейтенфельд – сражение при Брейтенфельде произошло 17 сентября 1631 года и окончилось полным поражением армии Католической лиги и победой протестантов, то есть шведской армии под командованием короля Густава Адольфа и его союзников – саксонцев.

– Что там у нас сегодня, Юнассон? – обратился он к секретарю – невысокому лысому толстяку с красным лицом и маленькими заплывшими глазами.

– Сегодня только дело Ульфа Арвидссона, господин судья. Его уже должны были доставить.

– Должны были, должны были... – забрюзжал с места в карьер Линдгрем. – Какого черта никто ничего не знает! Ну-ка, вон в зал и посмотри, там ли они? И скажи страже, чтобы не колотили по полу алебардами во время суда. Предупреди их!

Секретарь, съёжившись, выскочил в зал заседаний. Через пару минут его блестящая голова просунулась в дверь и простуженно просипела: «Все уже здесь, господин судья, ждут вас. Я уже все перья заточил, текст приговора также готов. Он лежит у вас на столе».

– Ладно! – махнул рукой судья, надевая мантию. – Все записал, как я говорил?

– Как же иначе, господин судья! Отсечение руки, штраф и издержки.

– Ступай! – буркнул Линдгрем, отыскивая взглядом свою судейскую шапочку с кистями. – Сейчас подойду.

В зале было немногочленно и даже уютно, так как за одно предыдущее заседание все почувствовали себя одной своего рода семьей. Семья состояла из сержанта Свенссона, который сидел на скамье у входа и, откинувшись к стене, чертил ножнами своей шпаги неведомые кабалистические знаки. Стражники вцепились в свои алебарды и, переминаясь, скучаяще поглядывали то на преступника, то на пустующий судейский стол, то на уже начинающее понемногу блекнуть и без того серое декабрьское небо в переплете высокого стрельчатого окна. Уже упомянутый Мартин Юнассон устроился за своим секретарским столиком, где и коротал время до прихода судьи за взбалтыванием чернильницы и копошением в стопках бумаг. Немного в стороне от него на расшатанном скрипучем стуле вытянулся адвокат-старичок Улссен. Он дремал, свесив голову на грудь так, что лицо его практически исчезло под париком. Порой он просыпался, окидывал зал суда мутным невидящим взглядом и, поерзав под жалобные стоны стула, вновь впадал в свою адвокатскую летаргию. Уродом в этой семье был пойманный с поличным за кражу каравая ржаного хлеба рыночный вор Ульф Арвидссон. Теперь он, с синяком под левым глазом, в рваной одежде и дурно пахнущий, уныло ждал решения своей судьбы, ни на кого не глядел и ни на что не обращал внимания. Цепи на его руках чуть позвякивали в такт дыханию. Потерпевший – хлебный торговец Якобсен, потеющий под огромной медвежьей шубой, в нетерпении грыз ногти и время от времени таинственно шептался с двумя свидетельницами – матерью и дочкой Петерссонами. Те без конца крутили во все стороны головами и тарасили глаза, а придурковатая дочь при этом непрестанно ковырялась у себя в носу да с таким усердием, что сохранность ее пальца или носа вызывало некоторое опасение. Коршунами поглядывали сидящие с обеих сторон судейского стола советники Даниэль Сандберг и Оке Хольм. Наконец дверь в зал распахнулась, и все вскочили под возглас секретаря: «Почтение королевскому правосудию!» Судья Линдгрем тяжело проковылял к своему месту, и, плюхнувшись в кресло, обвел взглядом всех присутствующих.

– Прошу садиться! – начал он и некоторое время молчал, просматривая текст приговора. Все расселись по своим местам, адвокат Уилсон, так и не успевший спросонок поприветствовать судью вставанием, тряс головой для бодрости.

– Итак, господа, не будем тянуть время. Я зачитаю приговор, если со вчерашнего заседания нашего суда не прибавилось что-либо нового. Вы, Улссон? – Нет. – Понятно, Что подсудимый? Свидетели? Значит, начнем.

Он встал, и, откашлявшись, начал читать приговор сильным, простуженным голосом, изредка поднимая голову, чтобы посмотреть на эффект, произведенный на участников суда.

– Я, судья Аксель Линдгрем, вкупе с советниками Даниэлем Санбергом и Оке Хольмом, изучили дело о краже каравая ржаного хлеба в лавке потерпевшего мастера Якобссена. Имея в виду выяснить истину, мы выслушали потерпевшего Якобссена, допросили свидетелей пре-

ступления Марту и Анну Улофссон, которые подтвердили факт кражи одного хлеба у потерпевшего. Также они – и свидетели, и потерпевший – единогласно, без каких-либо сомнений, могущих указывать на ошибку, указали имя и приметы преступника, по которым он был задержан и содержался в тюрьме вплоть до сего времени. Таким образом, Стокгольмский королевский суд именем королевы Кристины, храни ее Господь, имея в виду доказанность преступления многими и несомненными доказательствами, приговаривает подсудимого Ульфа Арвидссона, имея в виду его уже третье задержание за кражи различного имущества...

Спина подсудимого сгорбилась еще больше, и он схватился за голову руками, как будто в надежде не услышать приговора.

– К возмещению убытка в трёхкратном размере из имущества упомянутого Ульфа Арвидссона (тут Арвидссон поднял голову, и в глазах его можно было видеть смутную тень надежды, которая через несколько секунд сменилась отчаянием) и отсечением правой руки по локоть, имея в виду пресечь преступные намерения и впредь. Кроме того, издержки суда также будут оплачены из имущества упомянутого, – тут легкая гримаса исказила лицо почтенного судьи Арвидссона. – Казнь упомянутого (тут судья начал багроветь в приступе еле сдерживаемого гнева) будет произведена на хлебной площади в среду 23 декабря 1644 года от рождества Христова, имея в виду явить жителям Стокгольма справедливость королевского правосудия! Итак, приговор оглашен и да здравствует правосудие и милость королевы Кристины!

Линдгрем опустил в кресло, отдуваясь и постепенно приходя в себя. Все пришло в движение. Стражники под руки волокли к дверям плачущего Арвидссона, который все время оборачивался и бросал умоляющий взгляд на адвоката, который, в свою очередь, с мрачной миной на лице лишь разводил руками. Но было видно, что участь подзащитного его особенно не трогала. Бумаги по делу советники отдали секретарю Юнассону и, попрощавшись, откланялись судье. Все столпились у выхода из зала, где сержант все еще не мог открыть дверь и сердито перебирал ключи, ища нужный. Линдгрем вспомнил тут о секретаре.

– Секретарь Юнассон! – загремел он, и голос его был подобен меди. – Что это ты пишешь «имея в виду да имея в виду» четыре раза, даже пять раз в одном приговоре! Мне снится сегодня будет «имея в виду»!

Услышав слова судьи, секретарь Юнассон, как нашкодивший кот, попытался закрыться от начальственного гнева за ворохом бумаг.

– Я тебя предупреждаю! – гремел тот. – Имей в виду, что если еще раз такое повторится и мне придется позориться, читая очередное «имея в виду», то ты вылетишь у меня с места секретаря и пойдешь на улицу подбирать конский навоз! Ффффу, чтоб тебя!

– Господин судья, не извольте беспокоиться и простите меня, ради Бога! – забормотал несчастный секретарь, суетливо собирая бумаги. – Я вам обещаю, что в следующий раз такого не повторится. Я трижды все проверю и такого не будет!

И он выскочил в комнату секретарей как ошпаренный.

В зале уже не было никого, и Линдгрем, задумавшись о чем-то, некоторое время сидел неподвижно. Он представлял себе, что проведет сегодняшний вечер у камина с приглашенным по случаю приближающегося Рождества старым боевым товарищем Теодором Фальком. За окном стало почти совсем темно. Здесь, в судейском кресле, было даже как-то уютно, и вставать не хотелось... Но едва судья успел подняться, как дверь секретарской распахнулась, и на подгибающихся ногах к нему подкатился несчастный Юнассон.

– Господин судья, к вам пришли. Там Людвиг Ханссон, епископ Стокгольма!

Судья плюхнулся обратно в кресло: – Вот еще! Что ему надо?

– Я не знаю, он сказал, что у него к вам важное дело.

– Ладно, тогда проводи его сюда.

Секретарь исчез за дверью, и через некоторое время в зал суда неторопливо вошел среднего роста человек, которому, на первый взгляд, можно было дать не меньше семидесяти лет,

если бы не было известно, что ему не было еще и пятидесяти. На голове волос почти не осталось, и лишь скудным подлеском по чистому лугу свисали длинные, до плеч, жидкие пряди седых волос. Вся кожа на лице была покрыта старческими пятнами, а щеки были столь впалыми, что, казалось, принадлежали мумии, а не живому человеку. Зубы также давно уж покинули епископа, но глаза, глаза заставляли забывать все. В них светился ум, и легкая печальная ирония к этому брэнному миру трогала порой тонкие губы отчаянного протестанта. Не говоря ни слова, епископ придвинул кресло одного из советников и сел напротив Линдгрема. Тот молчал. Они довольно хорошо знали друг друга еще с давних пор.

– Итак, господин Линдгрем, я хочу поручить вам вести процесс некой Ингрид Валлин.

Она – ведьма.

– Почему я, господин епископ? – Линдгрем беспокоился заворочался в своем кресле.

– Вас знают как честного и разумного слугу королевы Кристины. К тому же, в таких процессах нужна толика здравого смысла и твердость одновременно.

– Но почему все-таки именно мне? Судей много.

– Она очень богата. А вы славитесь честностью. Здесь нужен честный человек.

– Я слышал о ней. Муж ее умер, оставив ей огромное наследство, так говорят. Он занимался крупными торговыми операциями в ганзейских городах.

– Все правильно, дорогой Линдгрем. Но перейдем к делу. Ее арестовали на прошлой неделе, и дом ее опечатан. Она ворожила у себя на дому, варила зелья... ну все как обычно. Я принесу вам протоколы допросов. Там много всякого. Ее подвергли испытанию водой, и она всплыла. Кроме того, для надежности был произведен ее осмотр и найден ведьмин знак под левой грудью. Знаете, Линдгрем, я еще может быть и посмеялся бы над испытанием водой, но когда ее тело кололи иглой и она кричала до тех пор, пока палач не уколол ее в это пятно! У меня мурашки пошли по спине – она даже не вскрикнула! Повторили укол несколько раз – и все то же. Возле дома выставлена стража. Народ хотел сжечь ее в доме. Завтра с утра в вашем присутствии мои люди будут производить обыск. Надо все записать. Взять свидетелей. Ну, это мое дело. Сама королева интересуется этим делом.

Епископ поднялся. Линдгрем тоже встал.

– Итак, завтра в 9 утра на улице Медников.

– Я знаю, где это.

– Удачи вам, Линдгрем. И храни вас Бог!

Шаги епископа уже затихли в коридоре, а Линдгрем все еще так и стоял у стола. Какой-то неведомый ужас вползал в его душу, этому ужасу не было внятной причины, а потому не было и объяснения. Тем страшнее показался Линдгрему завтрашний день.

* * *

«Почему я?» – единственный вопрос, который никак не выходил из головы судьи Линдгрема, когда утром сел в свою карету. Слуг он решил не брать. Бог весть, что случится сегодня, и Линдгрем заранее призывал скорейшего прихода вечера. Указав кучеру адрес, он поплотнее закутался в бобровую роскошную шубу, и раздумья вновь охватили его. Болела нога. Проклятая пуля какого-нибудь немецкого ландскнехта, которую так и не смог извлечь из раны лекарь Глаузевиц, уютно пристроилась в ноге бывшего капитана, портя ему жизнь... Он хорошо помнил, как это было. Под командованием своего «Северного льва»¹² несколько эскадронов конницы прорвали правый фланг папистов и зашли в тыл мушкетерам Тилли¹³.

¹² «Северный лев» – так современники называли шведского короля Густава Адольфа за полководческий талант.

¹³ Тилли – Граф Иоганн Церклас фон Тилли, знаменитый полководец Тридцатилетней войны, фельдмаршал Католической лиги. В бою со шведами у крепости Райна был тяжело ранен в ногу и умер от раны 30 апреля 1632 года.

Король Швеции Густав Адольф

Аксель не отставал от своего короля его конь был хорош и горяч, и спустя некоторое время всадников рядом с королем осталось совсем немного. О! Если бы имперцы были чуть более хладнокровными! Но они были в панике и бежали, а король наносил удары своим палашиом направо и налево, и капитан Линдгрем не отставал от него. Затем что-то толкнуло его в левое бедро, и он почувствовал, как что-то горячее течет по его ноге. Но боли не было, сна-

чала не было, он точно это помнил. Он успел еще крикнуть: «Я ранен!». Все помрачилось кругом, и запах порохового дыма стал тошнотворным. Больше Линдгрем ничего не мог вспомнить до того момента, как он очнулся от дикой боли в ноге. Он выл и извивался изо всех сил, но помощники полкового лекаря Глаузевица крепко держали капитана, навалившись всем телом на его руки и ноги. Сам Вильям Глаузевиц трясущимися окровавленными пальцами ощупывал рану, вероятно, пытался определить, где находится пуля. Затем он взялся за зонд, и тут капитан снова потерял сознание. Пулю так и не нашли, рану зашили. Капитан должен был умереть, но выжил благодаря молодости и божьей милости. Ведьмы. В Германии их было много, потому что он часто видел, как их казнили. Он помнит, как сожгли сразу 15 человек в Дрездене. Там были и мальчики и девочки. Все они плакали. Говорили, что среди них есть дети благородных людей. Как это могло быть? Еще раньше, в каком-то маленьком немецком городке возле Гамбурга, Аксель, и еще несколько драгунских офицеров – его друзей – видели, как на костре сжигали ведьму. Это была уже пожилая женщина, даже, скорее, старуха. Толпа забрасывала ее камнями, один рассек ей бровь, кровь, заливая глаз, стружкой стекала по морщинистой щеке и капала с подбородка на ее рубище из грубой серой мешковины. Она молилась. Он, Линдгрем, был уверен в этом. Руки у нее были свободны, потому что ее привязали цепями к столбу крестнакрест. Старуха, сложив молитвенно руки, шептала что-то про себя. Потом подняла голову вверх. Она не обращала внимания на окружающих, пока ее тело обкладывали охапками сухого хвороста. Она смотрела в небо, и все время часто моргала, потому что глаз ее заливало кровью. Один из офицеров, который понимал немецкий язык, спросил у присутствующих, что она совершила? Никто толком ничего не знал и не мог ничего определенного сказать. Говорили, что она колдовала и насылала болезни. Что колдовством вызвала пожар: в городе сгорело несколько домов и были жертвы. У одной женщины умер ребенок. Священник подошел к старухе, но что он говорил ей, офицеры не услышали – было слишком далеко. Линдгрем видел, как он протянул ей крест и как она поцеловала этот крест. На крест попала кровь, и священник вытер ее сорванной травой. Хворост подожгли. Сначала она только кашляла от дыма, а затем закричала, и все смеялись и показывали на нее пальцами. Чему радовались эти люди? Потом крик перешел в нечеловеческий вой, звенели цепи. «Нехе! Нехе!»¹⁴ – загудела толпа. Дым стелился низко, потому что был жаркий, безветренный день, и Линдгрем почувствовал запах горелого мяса. Ведьма продолжала выть. Капитану стало плохо, и он торопливо отошел к ближайшим зарослям – его тошнило. Товарищи отошли тоже. Все были бледны.

Как она могла молиться Богу? Или дьяволу молятся точно так же? Еще тогда, в маленьком городке под Гамбургом, в сердце капитана закралось сомнение в справедливости такого наказания. Ну ладно, может, она и впрямь колдовством убила соседского ребенка и сожгла дома. А эти дети, которых сожгли в Дрездене? Дрезден очень красивый город. Что сделали эти дети? Нет, здесь явно что-то неправильно. В Баварии саксонские ландскнехты – союзники шведского короля – отбили ведьму, совсем юную девушку лет семнадцати. Горожане собирались сжечь ее на центральной площади Мюнхена. Но жители Мюнхена были католики, и саксонцы смеялись, что такие ведьмы – союзники протестантов и ее следует отпустить. Им удалось вырвать ее у горожан. Но сами ее не отпустили домой, а привели в лагерь, где изнасиловали и, наконец, перерезали ей горло. Затем тело ее утопили в пруду. Шведы хотели взяться за оружие, но командующий шведским отрядом Юхан Банер это запретил. Ведь она была ведьмой. Но что сделала эта девушка? В этот момент карета остановилась, и Линдгрем, взглянув в оконце, увидел, что они прибыли на место.

Улицу Медников, несмотря на то, что обитатели ее были, в большинстве своем, люди простые, покойный купец Ульф Валлин выбрал с расчетом. Она находилась поблизости от порта, а так как Валлин вел дела с городами Ганзейского союза, то это было, несомненно, удобно для

¹⁴ Нехе – ведьма (Нем).

ведения торговых дел. И получилось так, что среди невзрачных домов и откровенных лачуг, где обитали матросы, грузчики, рыбаки и портовые воры, вырос великолепный каменный дом во французском стиле, с парком, конюшней и даже прудом, где плавали лебеди. Дела купца шли хорошо, и ему многие завидовали при жизни, которая оказалась не очень-то и длинной. Валлин умер в разгар эпидемии чумы в 1638 году. Ему тогда не было и шестидесяти. Умер он на корабле, по пути в Любек, поэтому, боясь оставить тело на корабле, во избежание заразы, капитан распорядился со всеми предосторожностями выбросить тело купца в море. Вдова Ульфа – Ингрид Валлин, и при жизни мужа не отличавшаяся общительностью, в горе своем практически перестала появляться в городе. Детей у них не было, беременность Ингрид несколько раз заканчивалась выкидышем, а единственный ребенок – мальчик Андреас – лишь на несколько дней пережил отца. Чума, как известно, не разбирается в возрасте жертв. Так как прямых родственников у них не осталось, то все наследство должно было достаться целой своре всяких племянников и племянниц, которые потирали руки, предвкушая радость того дня, когда тетя Ингрид покинет сию земную юдоль. Сразу после смерти Ульфа Валлина весь Стокгольм только об этом и говорил, но время шло, вдова Ингрид жила себе и жила, не показываясь в городе и только изредка общаясь с некоторыми близкими подругами да иногда появляясь на проповеди в кирхе. Постепенно о ней почти забыли, и только изредка, если только случайно разговор заходил на эту тему, жители столицы охали и говорили: «Боже мой! Неужели она еще жива? Вот ведь кому-то повезет в свое время!» Потом поползли странные слухи. Сначала о том, что ночами на верхнем этаже дома Валлинов горит свет и порой мелькают какие-то зловещие тени. Затем заговорили о том, что в пруду у дома конюх видел черного лебедя, которому хозяйка бросала хлеб. Некоторое время спустя молодой жеребец едва не разбил тому же конюху голову копытом, и начали поговаривать, что тут не без нечистой силы. Затем некая женщина, которая встретила возвращающуюся с проповеди фру Ингрид Валлин, заявила, что заболела сразу же после того, как последняя на нее посмотрела. Любопытные дети, которые иногда наблюдали за жизнью таинственного двора, приставив для удобства какую-либо колоду к стене, окружавшей дом, рассказывали странные вещи. Что тетя Ингрид своими руками сажает цветы, которые зацветают на следующий день, и что ее любимая большая черная собака умеет ходить на задних лапах, совсем как человек, и разговаривает со своей хозяйкой. Фру Ингрид Валлин начали обходить стороной все, кто встречал ее в те редкие дни, когда она шла в кирху или из нее. Так долго не могло продолжаться, и вот однажды, в один из ноябрьских дней 1644 года, к епископу Стокгольма Людвигу Ханссону, который только что закончил свою проповедь, подошел маленький, тщедушный, скверно одетый человек, от которого пахло потом и селедкой. Он назвал себя Арвидом Йенссоном, рыбаком, и попросил выслушать его. Ханссон, руководствуясь обязанностью всякого христианина, тем более пастыря, не мог ему ответить отказом. Рыбак Йенссон рассказал, что живет на улице Медников, совсем недалеко от дома вдовы Валлин, и считает долгом донести до сведения властей, что вдова Валлин, на самом деле, ведьма и у него есть на то доказательства. Через полчаса, уже в качестве свидетеля, Арвид Йенссон давал показания в маленькой келье в церкви Святого Николая. Присутствовали тот же епископ, его помощник по особым поручениям Михаэль и скромный молчаливый писец, который записывал все услышанное на бумагу. Рыбак говорил долго, так что допрос затянулся до полуночи. Утром следующего дня в присутствии начальника городской стражи и королевского чиновника был допрошен пастор церкви св. Райнольда, которую и посещала фру Валлин. Пастор ничего определенного сказать не мог, лишь только отметил замкнутость и скромность подозреваемой. Тогда начали втайне допрашивать всех тех, кого упоминал в своих показаниях рыбак Йенссон. Дело начало разрастаться как снежный ком. Число свидетелей того или иного рода перевалило за сотню, а по Стокгольму прошла волна слухов. Все это, в конце концов, закончилось тем, что собравшаяся у дома Валлинов толпа народа, угрожала разгромить его и сжечь вместе с хозяйкой и всеми остальными ее обитателями. Дело принимало плохой оборот, так что город-

ской страже пришлось разгонять толпу. Вдова Ингрид Валлин была арестована и доставлена в Грипсгольм – замковую тюрьму на озере Меларен. Слух о страшной ведьме дошел до самой королевы Кристины, которая имела об этом разговор с епископом. После встречи с королевой епископ Ханссон сразу же отправился в Стокгольмский суд, чтобы поговорить с судьей Линдгремом. И вот теперь судья смотрел из окна кареты на видневшийся за каменной оградой опустевший дом, ворота которого охранялись двумя десятками городских стражников. Около сотни зевак топтались тут же, желая увидеть что-либо интересное. Судья вздохнул и начал выбираться из кареты. Сразу же к нему подскочил человек, одетый как пастор, но жесткий склад губ и быстрый холодный взгляд этого человека сразу же вызвал у Линдгрема сомнения в принадлежности его к духовному сословию.

– Господин Линдгрем? Вы прибыли вовремя. Все уже собрались и ждут вас. Да, я забыл представиться: мое имя Михаэль, и этого достаточно. Я здесь от лица епископа Ханссона и наделен всеми полномочиями от него же.

– Хорошо, – ответил судья, – что я должен делать?

– Сначала пройдемте. Я скажу вашему кучеру, чтобы он поставил карету во двор. Так будет удобнее.

Они прошли в ворота двора Валлинов, экипаж судьи проследовал за ними. В толпе некоторые узнали Линдгрема и приветствовали его, и он чуть поклонился на голоса. Стражники не пропускали народ к воротам, отпихивая самых назойливых и любопытных древками алебард и покрикивая: «Назад, всем назад! Кому говорю! Вот я тебе!» Ворота с лязгом захлопнулись за спиной Линдгрема и таинственного Михаэля. Перед домом Линдгрем увидел несколько карет и саней, около одной было выставлено оцепление из стражников. На льду замерзшего пруда несколько человек метлами сметали снег. Один долбил лед пешней. Со стороны конюшни слышалось ржание лошадей. Пахло навозом. Солнце лениво освещивало сквозь морозную дымку. Линдгрем с любопытством смотрел по сторонам, следуя за Михаэлем. У входа в дом топтались, пытаясь побороть мороз, несколько человек. Линдгрем издали узнал среди них начальника городской стражи полковника Матиаса Стромберга, трех чиновников канцлера Оксеншерны с канцелярскими принадлежностями в руках. Еще одного присутствующего судья не знал; как позже оказалось, это был чиновник по расследованиям тяжелых преступлений. Еще шестеро, свидетели и дворецкий с конюхом дома Валлинов, стояли в сторонке, стараясь не попадаться на глаза знатным господам. Увидев приближающегося судью с Михаэлем, все оживились.

– Здравствуйте, господа! – произнес Линдгрем, первым снимая шляпу, чтобы поприветствовать их. – Судя по вашим красным носам, я заставил вас ждать. Прошу вас меня извинить. – Все раскланялись.

– Ну что же, начнем! – сразу перешел на деловитый лад Михаэль, который, видимо, заправлял здесь всем процессом. Он достал из кармана ключ от дверного замка и, сорвав с двери шнурок, которым та была опечатана двумя сургучными пломбами с королевскими львами, отпер ее.

– Господа, – сказал он. – Чтобы быстрее покончить с делом, я предлагаю разделиться. Вы, полковник, как человек военный, с одним чиновником проведете опись и досмотр конюшни. Он будет составлять список, а вы поправите его в случае ошибки. Мы же проведем обыск в доме. В конце дела свидетели и господин Линдгрем подтвердят результаты обыска и описанное имущество. Приступаем.

В доме было холодно, так как он не отапливался уже несколько дней со времени ареста вдовы. Но Линдгрем не замечал холода. Прихрамывая, долго расхаживал он по всем трем этажам дома, заглядывал в комнаты, двери которых были нараспашку, и любовался великолепными картинами, вазами и скульптурами, привезенными, как видно, из Голландии и Франции. Искусно выполненные мастерами Руана шпалеры, шелковые обои, которыми были обиты стены некоторых помещений, копии античных статуй и библиотеку, число книг и манускриптов кото-

рой немногим уступало в великолепии библиотеки самого канцлера Оксеншерны. Порой они сталкивались – он и работники комиссии, переходившей из одной комнаты в другую. Тогда он на момент отвлекался и видел молчаливо стоящих у дверей комнаты, совершенно оглушенных всем этим богатством свидетелей (все людей низкого сословия), жадный блеск в их глазах и робкие перешептывания. Из комнаты тем временем доносился голос одного из чиновников, перечислявших предметы и их приблизительную цену, шелест бумаги, шаги и покашливание. Некоторое время Линдгрем наблюдал за ходом дела: двое чиновников занимались переписью, а Михаэль со следователем тем временем заглядывали в шкафы и сундуки, перелистывали книги, сдвигали с места статуи, заглядывая под их основание, прощупывали обои на стенах, пытаясь отыскать замаскированные ниши или тайники. Временами тот или другой складывал какую-нибудь находку в мешок, который носил за ними дворецкий. Дом был большой, дело двигалось довольно медленно. Вернулся из конюшни полковник Матиас с чиновником, и энергичный Михаэль тотчас же взял последнего в оборот для ускорения обыска. Полковник с Линдгремом отошли к окну.

– Ну что, Матиас? Вы что-нибудь нашли на конюшне? – обратился к нему судья. – И вообще, что ты об этом всем думаешь?

– Дорогой мой Аксель, на конюшне мы нашли только то, что можно найти на конюшне – лошадей. Правда, все они отличной породы, чувствуется примесь арабской крови. Короче, там целое состояние. А как человек военный, – сострил полковник, – думать я не имею права.

Он был веселым человеком, этот полковник Матиас, – Линдгрем не раз в том часто убеждался. Выглянув в окно, судья увидел усыпанные снегом деревья небольшого парка, стену и ворота, за которыми видна была ничуть не уменьшившаяся в размерах толпа зевак, ряд карет, пруд, на котором никого уже не было, несколько солдат, собравшихся в кружок и о чем-то друг с другом разговаривающих.

– Кто были эти люди на пруду и что они делали? – вернулся к разговору Линдгрем.

Полковник помрачнел.

– Нашли вмерзшие в лед лебединные перья. Они были черными. Там, на конюшне, на цепи сидит собака. Говорят, она любимица этой вдовы. Тоже черная, как дьявол. Никого к себе не подпускает. Но ведь это пока ничего не значит, не так ли, дорогой Линдгрем?

Судья взял полковника за локоть и повел того на второй этаж, чтобы показать тому библиотеку. Он знал, что Матиас любил чтение и считался весьма образованным человеком. К удивлению Линдгрема, в библиотеке комиссией был произведен подлинный разгром: книги сбросили с полок на пол, дверцы шкафов были распахнуты и зияли пустотой, осколки огромной вазы, стоявшей когда-то в углу у камина, хрустели под ногами.

– Мда! – произнес Линдгрем.

– Мда! – произнес полковник. – А знаешь, Аксель, я ведь видел эту самую Ингрид Валлин. Красивая женщина. Её должны были привезти сюда сегодня, но Ханссон все переиграл. Будет жаль, если её осудят на костер, но все идет к тому.

Вдруг оба вздрогнули от неожиданности. – Динь-дон. Динь-дон, – невидимые молоточки загремели по звонкой меди откуда-то сверху – Динь-дон. Оба повернули головы в сторону, откуда исходил этот звон. Это были часы. «Динь-дон» – раздался последний перезвон, и фигурки, что были расположены вокруг круглого бронзового корпуса, окруженного позолоченным венком, пришли в движение. Змей, покрытый позолоченной чешуей, высунул жало. Тонкая, гибкая фигурка Евы приподняла прислоненную к листовному орнаменту руку, в которую был вделан темно-красный драгоценный камень, вероятно, гранат. С правой стороны колена-преклоненный Адам опустил вниз поднятую прежде голову, а два ангела, расположенные по обе стороны от фигуры творца, на самом верху часов, взмахнули серебряными крылышками. Оба они, и полковник Матиас, и Аксель Линдгрем, не шелохнувшись, стояли под часами, как

будто ждали, что произойдет дальше. Но дольше была лишь тишина, разделяемая тиканьем на мелкие доли такого незаметного и такого бесконечного времени.

– Они чудесны, Матиас! Это шедевр! Я ничего подобного в жизни не видел! – прошептал Линдгрем.

– Согласен! – полковник откашлялся и посмотрел на судью. Действительно, чудесная вещь! Это итальянские часы. Точнее, венецианские. Когда я был там, я видел такие. Видимо, это работа одного и того же мастера. И знаешь еще что, Аксель. Поеду-ка я домой. Честно говоря, мне не нравится все это дело. Я ведь солдат, а не ищейка или какой-нибудь папистский инквизитор. До встречи, Линдгрем!

Полковник вышел из библиотеки, и постепенно затихающий звон шпор на его ботфортах вторил каждому шагу по гулкому коридору. Линдгрем стоял и любовался часами. Он задумался над словами полковника. Вся эта история не нравилась ему все больше и больше. И вдруг холодок пробежал по спине у судьи Линдгрема. Как-то раз давно в детстве он с братом удрал из дома в лес, что рос у берега озера Меларен. Там они наткнулись на полянку, где росла земляника. Ягоды уже были спелыми, и мальчики на коленях ползали по траве, раздвигая кусты земляники и срывая бордовые, ароматные ягоды. Линдгрем вспомнил тот знакомый, но жуткий звук, как будто шипение пара от кипящего чайника, а затем черные лаковые кольца с легким, переливающимся на солнце ромбическим узором расплющенного солнцем тела змеи между кустиками земляники, ее страшные, совершенно бесстрастные круглые глаза с вертикальными кошачьими щелочками-зрачками. Именно это ощущение ледящего ужаса от взгляда змеи он вновь испытал и сейчас. Линдгрем резко обернулся. В проеме распахнутой двери стоял, скрестив на груди руки, Михаэль. Он переводил взгляд с Линдгрема на часы и обратно. Судья молчал и думал, что глаза у представителя епископа похожи своими зрачками на глаза той самой черной болотной гадюки из далекого детства.

– Ах, вот вы где, господин Линдгрем! – произнес Михаэль, – пойдете, прошу вас, обыск закончен. Вам надо удостоверить списки и подписи свидетелей. – И, кивнув головой наверх, он произнес: «Да, они великолепные!»

Внизу, в одной из комнат, обрадованные окончанием тягостного для всех дела ожидали их все присутствующие. Царило оживление. Свидетели неуклюже подписывали непривычными к гусиному перу трясущимися руками ворох бумаг с описью имущества. Никто не задавал никаких вопросов. Чиновники, тем временем, укладывали какие-то свертки, вероятно с уликами, в большой сундук. Затем его заперли и опечатали сургучом. Михаэль достал из кармана мешочек с деньгами и вручил каждому из свидетелей по несколько монет за труды. Затем он обратился к ним с небольшой речью:

– Добрые люди. Сейчас ступайте с Богом по домам и живите спокойно, потому что вы делаете хорошее дело и помогаете нашей государыне-королеве блюсти правосудие и законность. Ведьма будет наказана, и вашим близким больше ничто не угрожает. Сейчас же вы свободны. Если понадобится, то вас вызовут в суд, где вы подтвердите все, что видели.

Свидетели, угодливо кланяясь и воздавая хвалу Богу и королеве, вышли. Судья видел, как они гурьбой прошли по дорожке мимо пруда к воротам, которые им отворила при свете факелов стражники. Затем он начал подписывать листы с описью, лишь вскользь их просматривая, потому что понимал, что проверить их не представляется возможным, о чем он и заявил присутствующим.

– Вы правы господин Линдгрем, и пусть это Вас не беспокоит. Вы, собственно, удостоверяете своей подписью достоверность подписи свидетелей, не более того. Вся ответственность лежит на них. Но я думаю, что никаких недоразумений не последует. Добра ведьма скопила достаточно, и хватит его всем, с королевы начиная. Ха-ха!

Чиновники и следователь отозвались веселым смехом на шутку Михаэля, но Линдгрема подобный цинизм искренне покорило. Он сердито глянул в их сторону и продолжил далее

ставить подпись на последние листы описи. Остальные отошли в сторону и в полголоса повели разговор, который судья почти не слышал, и лишь отдельные фразы доносились до него:

– Я возьму себе что-нибудь из одежды... там есть одна картина... да-да, весьма неплохие – это хороший выбор... Ну, деньги ей больше не понадобятся, так что...

– Господа, хорошего вам вечера, и прощайте! – обратился ко всем присутствующим Линдгрем, покончив с подписью. Руки его озябли, и он дышал на них, чтобы согреть.

– Ну что же, до встречи, – подошедший Михаэль вдруг таинственно понизил голос. – Вам положено вознаграждение, господин Линдгрем. Если вам что-нибудь нужно или что-то поправилось здесь, то только скажите.

Линдгрем побагровел. До него дошло, что начался дележ конфискованного имущества. «Ну и мерзавцы!» – подумал он.

Будто уловив его мысли, Михаэль улыбнулся своими бледными змеиными губами.

– Мне кажется, я понимаю, что вы подумали. Смею вас заверить что, во-первых, такова обычная практика при процессах над ведьмами, и, во-вторых, это делается с санкции самого епископа. Так что ни о чем не волнуйтесь!

Чиновники со следователем молча наблюдали за ними. Линдгрем взял себя в руки.

– Я все понимаю, не беспокойтесь. Но, господа, меня ждут дома. Пора идти. Прощайте!

Дверь за ним закрылась. Все переглянулись. Следователь с гримасой удивления пожал плечами. Чудак!

– Это его дело, – отозвался Михаэль. – Господа, сейчас же забирайте вещи, которые вам нужны. Затем возвращайтесь сюда, потому что списки надо будет переписать заново. Подписи за этих олухов поставите сами. Линдгрему я передам их потом – он снова все подпишет. И еще. Там, в библиотеке, на стене есть часы. Вы, господин Ларссон, принесите их сюда, и я передам их Линдгрему. Мне показалось, что они ему очень пришлись по вкусу. Думаю, что этот дар смягчит его черствое судейское сердце!

Все рассмеялись.

Тем временем судья Линдгрем, закутавшись в шубу, дремал в уголке своей кареты. Он мечтал о том, чтобы, приехав домой, выпить доброго вина и позабыть все увиденное и услышанное сегодня.

«И еще, я откажусь от этого процесса... Пусть будет кто-то другой. Я не стану его вести. Так и скажу завтра епископу Ханссону!»

Глава 3

Линдгрем так и не смог заснуть в эту ночь. Бутылка вина не расслабила его натянутые нервы, а легкое посапывание Марты (супруги, с которой он прожил уже 11 лет и прижил четырех детей – мальчика и трех девочек) вызвало у него, наконец, приступ мигрени. Тихонько выскользнув из кровати, Линдгрем захватил одежду и на цыпочках ушел в соседнюю комнату, где вызвал слугу. Тот пришел совершенно сонный, с красными глазами, и, вероятно, поносил про себя хозяина всеми неслестными для того эпитетами. Судья велел тому, не мешкая, будить кучера и запрягать лошадей. Спустя полчаса на заснеженной улице Черных монахов уже раздавался скрип полозьев его экипажа, который направлялся в сторону Королевского суда Стокгольма. Было что-то около начала пятого утра. Улицы были совершенно пустынные – сильный мороз загнал обитателей столицы в свои теплые уголки, где они досматривали самые сладкие предутренние сны. Стражников, которые несли караул у здания суда, он застал врасплох, и они долго переругивались и искали своего лейтенанта, который, в свою очередь, долго разыскивал ключи от здания, так как был изрядно пьян еще с самого вечера. Наконец, двери суда распахнулись, и промерзший до костей судья с факелом, выпрошенным у караульных, пронесся по коридорам к своей судейской комнате, забыв о проклятой пуле в ноге. Первое, что

он увидел на своем столе, едва лишь вошел в комнату, была толстая папка с какими-то бумагами и запиской, которая лежала на ней сверху. Линдгрем зажег все свечи, которые только отыскал. Затем он вернул факел страже и возвратился в комнату. Было весьма прохладно, но он знал, что вот-вот должны прийти истопники, которые протопят печи в здании, и станет тепло. «Ну, что же, потерпим», – решил он и подсел к столу. Еще не взяв в руки записку, он определил по почерку, что ее написал епископ Стокгольма Ханссон. Судья откинулся в своем кресле, и, скрестив руки на груди, погрузился в воспоминания. В далеком 1630 году, когда король Густав Адольф высадился в Германии, чтобы принять участие в войне на стороне протестантов, вместе с его войском с транспортного корабля на берег сошел и Ханссон. Он не был тогда еще никаким епископом, а был скромным пастором тридцати четырех лет от роду и принял участие в этом походе добровольцем. Чтобы общаться с немцами, он за полгода выучил язык, чем несказанно удивил своих товарищей. Он был фанатиком. Он всегда по этому поводу цитировал слова Христа о вере, которая движет горами, и следовал им. Казалось, он не боялся смерти, и та, чудесным образом, его обходила. В бою он становился перед строем с одним барабанщиком и шел впереди всего отряда под барабанный бой на врага в своем пасторском черном облачении с белым воротничком, осеняя ряды своих единоверцев крестом. Было дело, что он остановил бегущих под натиском имперцев, ошалевших от ужаса шведов, и повел их в атаку. В Баварии, во время сражения, увидев его, идущего далеко впереди своего отряда под барабанный бой, имперские ландскнехты дали по нему залп из мушкетов всей первой линией. Это походило на чудо, но ни одна пуля не попала ни в него, ни в барабанщика. Так они и продолжали свой божественный марш на ландскнехтов. Тогда те опустили на колени и сдались. Очень многие из них приняли в тот день лютеранство. Это было чудо. Когда слухи о нем дошли до Кристины, бывшей тогда еще регентшей¹⁵, она вызвала его в Стокгольм. Затем состоялась его аудиенция, длившаяся два часа, после которой из королевского дворца Людвиг Ханссон вышел уже епископом Стокгольма, то есть вторым лицом в иерархии лиц духовного звания после королевы, которая являлась главой шведской церкви. К всеобщему удивлению, с ним не случилось то, что обычно происходит со многими другими, когда фортуна возносит их из низов наверх. Он так и продолжал вести свой обычный, весьма скромный образ жизни. Всегда и везде он передвигался пешком, в обычном черном пасторском облачении, раскланиваясь со встречными людьми, которые, несомненно, питали к нему искреннюю любовь. К нему часто обращались с просьбами, что добродушно вышучивалось обитателями Стокгольма. Так говорили, что такой-то обратился к самому господу Богу через Ханссона. Ни жены, ни детей у него не было, и единственным и искренним другом была собака дворовой породы, которую епископ подобрал во время одной из проповедей где-то в грязном, узком городском переулке, где щенку была уготована голодная смерть. Щенка он назвал Феликсом, то есть «счастливым», кто знает это латинское слово. После этого по городу пошла гулять шутка, что дворнягу судьба вознесла точно так же, как и его хозяина. Еще шутили, что Феликс является третьей мордой в государстве, имея в виду двух первых: королеву Кристину и самого Ханссона. Епископ знал обо всех этих разговорах, но никого за них не преследовал и лишь иронически кривил свои тонкие бледные губы. Вот под чьим руководством должен был вести процесс судья Линдгрем. Он взял записку и начал читать.

«Судье Стокгольмского Королевского суда Линдгрему Акселю 19.12 1644 года от Рождества Христова.

Господин Линдгрем. В этой папке обещанные мною материалы по делу колдуньи Ингрид Валлин. Протоколы пыток и допроса ее самой я принесу

¹⁵ Регент – правитель, временно осуществляющий полномочия монарха.

лично. Кроме того, скоро доставят улики, найденные при обыске. Дождитесь меня и никуда не уезжайте. Я буду в суде в 10 часов утра.

Уважающий вас, Людвиг Ханссон».

Судья вытащил из папки первый листок. Где-то за дверью в коридоре раздались голоса, топот шагов, переругивание и кашель. Это пришли истопники, которые должны были протопить все печи в здании суда, и Линдгрем мечтательно представил, как скоро исчезнет легкий парок от дыхания в воздухе и блаженное тепло окутает его тело. В последнее время он стал зябнуть. Но, погрузившись в чтение материалов, про холод он позабыл.

«... я слышал, что про нее говорили, мол, она ведьма. Мой товарищ мне как-то возьми и укажи – вот де она. Ну, мне и любопытно стало. По весне это было. Она идет по Гусиной улице, я позади, шагов от нее пятьдесят. Она как дошла до перекрестка со старой улицы, там, где Кирха святого Николая, и давай оглядываться направо да налево. А потом обернулась и на меня как глянет! Я испугался, конечно. Отвернулся, как ни при чем, а потом, как снова на перекресток-то глянул, а ее и нет нигде! Я туда подбежал, смотрю: не видать ее! Я в кирху – и там её нет! Вечером приятелю о том толкую, а он мне и говорит. Это, говорит, ведьмы с перекрестков на Блокулу¹⁶ летают. Так что её уже бесы на шабаш несли, и ты ее зря по улице высматривал... Со слов Марта Тутссена записал и проверил писец Юхан Корб.

Так, следующий лист: Служанка ведьмина, Биргитта на рынке мне рассказывала, что у хозяйки, у ведьмы то есть, живут черная собака и черный лебедь. И они втроем по ночам гуляют по парку, что у ней возле дома. И собака днем по дворам шныряет, а лебедь сверху все высматривает. Оттого ведьма про всех все знает. Они ей все и рассказывают...

– Ясно, смотрим дальше.

...Мой маленький Ларс с мальчиками то соседскими залезли на стену. Глядь, а ведьма-то своими руками какие-то травы садит. А на следующий день они уже цвели! Так без нечистой силы не бывает...

– Дальше.

...Я эту собаку хозяйкину не терплю, а как мимо иду, так всегда крещусь. А как крещусь, так она рычать и беситься начинает. Однажды проходил мимо клетки-то и плюнул в нее. А через час мне жеребец на конюшне копытом голову расколотил. Сколько служил, ну не было никогда такого! Не иначе дьявол в ней. Это все пес ейный! Ну и хозяйка тоже...

– Ага, ясно, это показания конюха Ингрид Валлин. Как его там? Надо запомнить: Гуннар Нильссон.

Дальше.

...Я с ней когда-то дружила, когда муж ее был жив. Помню, пришли мы к ним на Рождество, а они личины страшные, черные на себя-то надели! Я чуть рассудка не лишилась! Потом муженек-то ее рассказал, что де маски те у португальских купцов были куплены, которые в Африку к язычникам ездят. А язычники те дьявола тешат, личины эти из дерева вырезают, да свои нечистые праздники в них справляют и пляшут в них. Вот я и думаю, что муж у ней тоже приколдовывал. Недаром умер смертью темной, неведомой...

За чтением судья не заметил, как в окнах забрезжил рассвет, а зажженные свечи побледнели, как потеплело в комнате и как здание суда на всех этажах наполнилось голосами и ожило. Очнулся он только тогда, когда дверь, скрипнув, приоткрылась, и в нее просунулась лысая круглая голова секретаря Юнассона.

– О, господин Линдгрем, вы уже здесь! Вас хотят видеть епископ Ханссон и полковник Матиас Стромберг.

¹⁶ Блокула – одинокая скала посреди моря в Швеции, легендарное место шабаша ведьм.

– Доброе утро, Юнассон! – сегодня судья был необычайно вежлив со своим обычно третируемым секретарем. – Будь добр, пригласи их сюда ко мне. И принеси еще свечей и один стул.

Полковник с епископом вошли в комнату. Линдгрем встал и за руку поздоровался с обоими. Юнассон, тем временем, принес дополнительный стул и зажег принесенные свечи. Затем он тихо вышел, осторожно затворив за собой дверь. Все трое сели на свои места.

– Итак, дорогой Линдгрем, – первым нарушил молчание епископ, – вы просмотрели показания свидетелей? Что скажете?

– Господин Ханссон, я считаю своим долгом, как судьи и христианина, отказаться от ведения этого дела. Судите сами: я разложил на столе по двум стопкам все показания. В первой, тонкой, свидетельства тех, кто наблюдал воочию нечистую силу, колдовство и прочее. В толстой – показания людей, узнавших все понаслышке. Эту вторую стопку можно сразу отбросить.

– Линдгрем, еще во времена наших отцов было так, что три зафиксированных слуха равнялись одному свидетельству.

– Эти времена прошли, господин епископ. Далее. Показания непосредственных очевидцев совершенно ничего не доказывают. Какая связь между пресловутой колдуньей и тем, что дубина конюх был изувечен в пьяном виде жеребцом на конюшне? Лошади и пчелы не любят запаха винного перегара – это всем известно. Цветы, распускающиеся в одну ночь! Дьявольские маски! Это плод воображения темных людей!

Епископ чуть скривил губы, изобразив улыбку. Полковник, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди, слушал их перепалку с серьезным лицом. Затем он, не говоря ни слова, взял лист из тонкой стопки и погрузился в чтение. Ни судья, ни епископ, похоже, этого даже не заметили.

– Видите ли, судья Линдгрем, всякое преступление редко бывает доказано надежнейшими уликами. Тем более, когда нечистая сила умеет таиться и прикрывается добродетелью. Тогда ценно каждое, даже постороннее наблюдение, каждый вывод со стороны. Так и складывается общая картина преступления, как мозаика. Еще надо иметь в виду, что мы имеем дело с дьяволом. И мы не вправе этим пренебрегать! Тем более, у нас есть это. – И епископ извлек из кармана два свитка с печатями и положил их на стол: – Извольте!

Линдгрем вскользь просмотрел оба свитка. Это были акты испытаний ведьмы водой и иглами.

– Мы отказались от пыток этой женщины другими методами. Тогда и результат был бы, несомненно, больше, – произнес Ханссон. – Я не говорю о милосердии. О милосердии к нечистой силе не может идти и речи. Но и этих двух испытаний достаточно для костра.

– Мне помнится, вы, господин епископ, сами выразили некоторое сомнение насчет испытания водой. Я к вам присоединяюсь. Боюсь, что даже если испытать нас троих, то не все пройдут это испытание.

Все трое рассмеялись.

– Вы, полковник, можете быть спокойным. По комплекции вы человек плотный, и на дно пойдете, как говорится, топором, – продолжал судья. – Мы же с епископом, как более тощие, будем причислены по результатам испытания к колдунам.

– Господин Линдгрем, я нахожу тут мало смешного! – возразил, наконец, Ханссон. – Но я уверен, что, в отличие от вдовы Валлин, испытание иглой мы пройдем. Впрочем, давайте попросим полковника быть судьей в нашем споре.

Выражение лица полковника стало серьезным.

– Я – человек военный и далекий от судебного дела. Но то, что я вижу, и те документы, которые читал, не кажутся мне серьезными доказательствами, а больше собранием рыночных сплетен и слухов. Единственный серьезный пункт – это то самое место под грудью этой женщины, которое не чувствует укола иглы и которое господин епископ именуется ведьминым зна-

ком. Я не понимаю, что под этим подразумевается, и пусть господин епископ нам это разъяснит более подробно в интересах дела.

– Хорошо! – ответил ему епископ. – Так вот: ведьмин знак сведущие в этом деле Инсистерис и Шпренгер, которые написали известную книгу, именуемую «Молот ведьм»¹⁷ и которая является исчерпывающим руководством по борьбе с нечистью, именуют встречаемый у каждой ведьмы похожий на родимое пятно или на бородавку участок кожи. Доказано на множестве случаев, что ведьмы не чувствуют боли, если их уколоть там иглой или прижечь раскаленным железом. Есть похожие на ведьмин знак иные признаки, но нам достаточно и этого.

– Опять же не смею судить об этом. Но вот что могу привести из собственного опыта, – полковник Матиас Стромберг с иронической улыбкой на лице продолжил свою речь. – Мне довелось несколько лет назад побывать с нашим посольством в Италии. В Венеции, в частности. Венеция славится своими врачами, да и не только. Но я это вот к чему. Мне довелось видеть, как один известный лекарь определил у некоего лица болезнь именно тем способом, господин Ханссон, о котором говорили вы: покалыванием иглы по всем членам организма. Действительно, при одной известной болезни человек не чувствует боль в местах пораженных этой хворью, а именно, при проказе.

Полковник замолчал, и все трое переглянулись.

– В таком случае, если медики подтвердят болезнь Ингрид Валлин перед судом, то она должна быть освобождена! – заключил Линдгрем с торжеством в голосе. – И, кроме того, стыдно нам, честным христианам, которые освободились от папистских заблуждений и суеверий, ссылаться на книгу, написанную папистскими же изуверами.

Бледное лицо епископа побледнело еще больше.

– Линдгрем, вы заходите слишком далеко! – Епископ в раздражении привстал и, опершись обеими руками на стол, зашептал в яростном припадке: – Вы еще дойдете до того, что католики болеют другими болезнями в отличие от нас! Смею вас разочаровать: мы все болееем одними болезнями и все смертны. И мирским, и дьявольским соблазнам подвержены также все, невзирая на национальность, пол или веру. Да, мы куда более свободны от суеверий и с гордостью можем утверждать, что наша вера более близка к учению Христову. Но от тяжести и последствий греха нас это не освобождает, Линдгрем, а даже, более того, ко многому обязывает! Каждого из нас на своем месте: от королевы до последнего шведского нищего. Не говорю уже о судье, который должен вершить правосудие. Если вы не делаете этого или уклоняетесь от него, то знайте: вы предаете нашу веру, а значит, и самого Христа!

Епископ с горящими глазами, отдуваясь, упал в свое кресло, не сводя глаз с Линдгрема. Тот побледнел.

– Но, господин епископ, что, если она, действительно, больна?

– Вы хотели повторить только что сказанное полковником, Линдгрем, и сказать, что она невиновна? – Ханссон загадочно улыбнулся и перевел взгляд на полковника: – И ты, Брут?¹⁸

– Клянусь честью офицера, в этом я на стороне судьи. Если она больна, то почему ее не отпустить? Или я чего-то не понимаю?

– Вот именно! Тогда эту несчастную тем более надо уничтожить как бешеную собаку, и чем раньше, тем лучше! – воскликнул епископ. – Вы оба не понимаете, что проказа – это наказание божье за грехи? Вы не понимаете, что она несет смерть вокруг себя? И, кстати, то, что она больна, быть может, вовсе не отменяет то, что она ведьма. Наказания божия без вины не бывает, господа скептики! Я удивляюсь вам все больше! Теперь представьте себе, что будет,

¹⁷ «Молот ведьм» – трактат по демонологии и преследовании ведьм. Книга написана в 1486 году доминиканским инквизитором Генрихом Крамером (Инсистерисом) и деканом Кёльнского университета также инквизитором Якобом Шпенглером.

¹⁸ «И ты, Брут?» – в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» с такими словами умирающий Цезарь обращается к убийце – Марку Юнию Бруту. Выражение широко применяется в случае, когда говорящий считает, что его предал тот, кому он прежде доверял.

если эта Валлин будет отпущена. Когда жители Стокгольма, которые только и толкуют о ней как о колдунье и уверены в том, что так оно и есть, узнают, что судья – самый честный судья, как это опять же считают жители нашего города, отпустил ее? Они или посчитают этого честного судью сумасшедшим или решат, что его, все-таки, подкупили. Вы же помните, Линдгрем, что она богата? Не так ли? Или еще они могут решить, что судья также подпал под действие колдовских чар, что не исключено. И тогда берегитесь, Линдгрем! Вас будут обвинять в пособничестве дьяволу! И тогда никакие ваши заслуги не помогут вам оправдаться!

– Но, господин епископ, я не хочу вести... – пытался сопротивляться судья, отводя взгляд в сторону, чтобы не видеть горящих глаз епископа. Полковник, мрачно потупив голову, молчал. Ему нечего было больше возразить.

– Это будете вы, Линдгрем, и это говорю вам не я! Это приказ нашей христианнейшей королевы Кристины! Она, эта Валлин, виновна в любом случае и должна быть сожжена для общего блага... В таком случае уже все равно, колдунья она или нет. Если ее отпустить, то это чревато бунтом, погромами и недовольством властью, а в это трудное для всех время подобное равно государственной измене! Так что, судья Линдгрем, оправдательный приговор – это измена. Уж вам выбирать. Надеюсь, вы примете правильное решение. Ваша же честность будет гарантией справедливости приговора. Пойдемте, господин полковник!

Они оба – полковник и епископ – встали из-за стола, и, не попрощавшись, вышли из судейской комнаты. Судья в изнеможении тупо смотрел на обе стопки бумаги и не мог прийти в себя. Вдруг в комнату ловким кошачьим движением снова вспорхнул епископ Ханссон. Он закрыл дверь, привалился к ней спиной и зашептал, как будто боялся, что кто-нибудь их сможет подслушать.

– Ergo, дорогой Линдгрем. Слушайте внимательно. Валлин должна быть осуждена как ведьма – это пункт первый. Имущество ее, движимое и недвижимое, должно быть отписано в королевскую казну, тем более, что прямых наследников у нее нет, а этим олухам, племянникам, мы что-нибудь выделим от имени королевы. Это второе. Пункт третий – вы будете вознаграждены надлежащим образом, не сомневайтесь в этом. Мое к вам уважение, и королевская милость есть тому порука. Помните, что вы окажете большую услугу нашей Швеции, делу Реформации и лично Королеве. И последнее: не тяните! Процесс должен быть завершен к Рождеству Господа нашего Иисуса Христа! А теперь прощайте. И счастливого вам Рождества!

Он открыл дверь и ступил, было, за ее порог, как вдруг снова обернулся и добавил:

– За порядком будет наблюдать лично полковник Стромберг. В нем я уверен. Будет дополнительно усилена охрана. Вам нечего будет бояться.

– Ради Бога, господин Ханссон, одну минуту! – вскричал судья, вскочив с места и протянув руки к епископу.

– Ну, что такое? Что вы хотите еще? – епископ настороженно вглядывался в лицо Линдгрема, пытаясь понять, что тому нужно.

– Господин Ханссон, вы порядочный человек и первый христианин в королевстве. Я думаю, что не преувеличиваю и не лью, поверьте мне! Поэтому я должен вам сказать: во время обыска у этой Валлин чиновники присваивали себе конфискованное имущество. Не ошибусь, это сделано было с ведома вашего представителя...

– Довольно! – епископ поднял руку в предостерегающем жесте. – Михаэль говорил вам тогда, что это есть обычная практика в таких делах? Добродетель должна вознаграждаться. Человек слаб и склонен к греху. Лучше было бы, если б они присваивали добро тайком? Так вот, пусть это происходит с нашего ведома, в рамках закона.

– Но ведь это имущество было внесено в списки, которые я лично подписывал! – вскричал в возмущении судья.

– Не волнуйтесь, списки уже переписали, и на них стоят все подписи, кроме ваших. Вы их подпишете заново.

– Ах, господин епископ! – схватился за голову судья. – Ведь все это так н-н-н, – от возмущения он даже стал заикаться и побагровел. Епископ посмотрел на него потухшим взглядом и открыл дверь. – Кстати, мне говорили, что на войну вы, господин Линдгрем, уезжали нищим, а вернувшись, купили дом и обставили ее добротной немецкой мебелью. Чем же вы тогда лучше прочих?

– Вы не имеете никакого права обвинять меня! – голос судьи задрожал от возмущения. – Это была война, и это были враги веры, наши враги! Моя совесть чиста!

Епископ грустно улыбнулся.

– Вы так уверены в этом? Впрочем, я не буду с вами спорить. Спросите у своего сердца, и оно откроет вам истину. И последнее: здесь мы тоже ведем войну, и войну не менее справедливую, и тяжелую. И эти люди, которых вы с таким жаром осуждаете, делают доброе, угодное Богу и стране дело. Их заслуги должны вознаграждаться.

Ханссон замолк. Глаза его были печальны. Судья почувствовал, что тот, похоже, сам не был слишком уверен в том, что говорил. Епископ вздохнул.

– Я понимаю тебя, Аксель, – сказал он, – но не переживайте так! Я возьму на себя этот грех. И... в конце концов, я ничего не могу сделать. Я лишь слуга королевы.

Он вышел.

Дверь за епископом закрылась. Линдгрем посмотрел в окно. Он увидел заснеженную улицу, по которой катились к рынку груженные товарами сани, толпу мальчишек, двух всадников в тяжелых доспехах – видно, это был кто-либо из охраны королевы. Светило неяркое декабрьское солнце 1644 года месяца декабря. Вдова Валлин Ингрид должна умереть через два дня. Отказ от дела невозможен. Судить будет он – Аксель Линдгрем.

Глава 4

Я, судья Линдгрем Аксель, вкупе с советниками Даниэлем Сандбергом и Оке Хольмом, изучили дело вдовствующей Ингрид Валлин, обвиняемой в колдовстве. Мы выслушали свидетелей, рассмотрели все улики, как прямые, так и косвенные, и сами ужаснулись тому, как велик грех обвиняемой Валлин, продавшей душу дьяволу и которая совратила многих и пытается даже под тяжестью неопровержимых доказательств, научаемая дьяволом, сеять семена сомнения среди честных людей. Со слезами жалости мы приговариваем ее к сожжению на костре и призываем ее чистосердечно покаяться перед служителем церкви Христовой, дабы душа ее была очищена от скверны греха, и, чтобы предстать перед всевышним, смогла бы она просить прощения с чистым сердцем.

Мы постановляем, что казнь состоится завтра, в полдень на большой площади, дабы каждый мог узреть торжество истинной веры и поругание дьявола, а также в научение всем, кто занимается колдовством, ворожбой или иным непотребным занятием, чтобы напомнить им, что ждет их после суда божия.

Далее мы объявляем, что все ее имущество, как движимое, так и недвижимое, переходит под управление государственной казны.

Также мы постановляем, что свидетели, которые усердно помогали разоблачить все преступления ведьмы, должны быть поощрены из конфискованного имущества Валлин Ингрид.

Приговор оглашен и да здравствует правосудие, и милосердие королевы Кристины!

* * *

Никогда не пил Аксель Линдгрем так много, как это было в вечер того знаменательного дня суда, когда ведьме был вынесен смертный приговор. Из суда он вышел, озираясь по сторонам, когда уже было совсем темно. Ликующая толпа давно уже разбрелась по домам и тавернам,

где обсуждала процесс и приговор. Колдунью под усиленным конвоем отвезли в тюрьму, где ей предстояло провести в страшном ожидании немногие оставшиеся ей часы жизни. Линдгрем велел кучеру отправляться домой без него, а сам, закутавшись поплотней в свою шубу и надвинув шапку на самые брови, чтобы не быть узнанным, побрел куда глаза глядят. Он долго бродил по улицам города, пока совсем не перестал понимать, где же он находится. Мороз был крепок. От холода и усталости судья стал терять силы. Наконец, окончательно заплутав в каком-то глухом переулке, обросшем гнилыми деревянными домами, он набрел на маленькую таверну с веселым названием «Золотой стол». Густой чад из табачного дыма, паров скверного вина, пива и соленой рыбы едва не свалили его с ног на пороге, но назад он не повернул. Свободное местечко в углу нашлось для него тоже. Он сел на скамейку, которая представляла из себя пару досок, приколоченных к паре чурбаков вместо ножек. Стол был той же солидной конструкции, и походил на заморского чудо-зверя гиппопотама, которого судья видел на гравюре в библиотеке вдовы Валлин. Он заказал себе только вина. Через минуту расторопный слуга уже принес ему откупоренную бутылку и огромную пивную кружку. Более подходящей посуды почтенное заведение, видимо, не держало. Линдгрем налил полную кружку и залпом ее осушил. Его долго корчило и содрогало, пока вино осваивалось с новым жилищем. Судья сидел терпеливо, прислушиваясь к своим ощущениям. От мерзостного кислого вкуса вина у него свело челюсти и потекла слюна. Хмель сразу ударил в голову. «То, что мне сейчас надо!» – подумал он. Через пять минут перед ним стояла уже вторая бутылка, еще через пятнадцать – третья. На приткого пожилого человека в богатой шубе и шапке с любопытством стали посматривать соседи, что пили пиво и курили трубки с крепчайшим табаком. Но Линдгрему было все равно. Он уже не замечал взглядов окружающих. Он сильно опьянел и радовался своему отупению, тому, что, наконец, закончился этот тягостный процесс и что впереди долгая ночь. Завтра он станет совсем другим человеком: спокойным, уверенным в себе и своей правоте и радующимся тому делу, которое исполняет. И все же... Какое-то тягучее липкое ощущение беды все равно прокрадывалось ему в душу. Будто змея из далекого детского лета смотрела на него сквозь земляничные листья.

– Что-то не так, Аксель! – произнес он вслух и ударил кулаком по столу. Гомон в таверне на мгновение стих, и он, оглядевшись, увидел сквозь сизую пелену табачного дыма направленные на него недоброжелательные угрюмые взгляды. «А дыму-то, дыму. Как будто сражение какое», – говорило затуманенное сознание. Подскочил ловкий слуга, и Линдгрем, не глядя на него, пробормотал: «Еще одну!» – и начал развязывать неловкими пьяными пальцами кошель с деньгами. Голову клонило вниз, пальцы не слушались. Он еще успел протянуть слуге кошель и пробормотал: «Возьми сколько надо». В следующий миг его голова тяжело опустилась на стол, как на плаху. Шапка, которую он так и не снял, съехала с головы, но больше Линдгрем ничего не слышал, и лишь за мгновение до того, чтобы заснуть, память снова вернула его в зал суда.

«Эти два барана пойдут за любым козлом! – думал Линдгрем, переводя взгляд на своих советников, пристроившихся, как парочка воробушков, напротив. – Им все равно: сжечь или выпустить».

На краешке стола пристроился секретарь Юнассон с чернилами, перьями и печатями, чтобы записать текст приговора.

– Господа советники! – наконец начал судья и махнул рукой секретарю. – Не пиши! Так вот, господа советники... Я не уверен в ее вине, между нами говоря. Вздора и слов было много, да, это правда, а доказательств практически никаких. Хммм, почти никаких, – поправился он. Толстяк Оке Хольм, тяжело пыхтя, непонимающе смотрел на него маленькими поросычьими глазками. Вообще человек он был добродушный, но не в этот раз.

– Господин судья может решать, что он пожелает. Но мой вам совет, – запыхтел он торопливо, – надо приговорить ее к сожжению. Все формальности мы соблюдаем. Птица она все-таки подозрительная. Все настроены только на казнь. Чего же нам брыкаться?

«Птица, – подумал Линдгрем, следя за движениями мясистых губ советника. – Ты просто свинья, Оке!»

– Ясно, – перевел он взгляд на советника Сандберга.

– Даниэль, что скажешь?

Сандберга он знал как добросовестного юриста, пусть не слишком изощренного в своей науке, но склонного более полагаться на здравый смысл.

– Вы, господин Линдгрем, правы. – Сандберг говорил медленно, немного растягивая слова, как бы пробуя их на прочность. – Фактически улик никаких, а перья, маски, куклы и байки о собаках годятся только для черни. Нам, людям, облеченным властью судить, не следует потакать суевериям и предрассудкам. Но! – он остановился, и обвел взглядом всех троих. – Но помиловать ее мы не сможем, даже если и очень этого захотим.

– Что ты имеешь в виду, Даниэль?

– Я имею в виду, что нам не дадут этого сделать, Аксель. Если бы дело было в черни, то это одно. Сержанта с десятком солдат хватило бы на их разгон. – Сандберг перевел дыхание и, понизив голос, продолжил: – Но, как я понимаю, речь идет о заинтересованности высоких лиц, с которыми тягаться бесполезно. И даже вредно. И даже опасно. Мое слово: я буду согласен с любым исходом дела. Но в одном случае вся ответственность ляжет на вас, господин судья.

Он откинулся в кресле и, скрестив руки, мрачно зарылся чисто выбритым подбородком в воротник мантии.

«У меня нет союзников, – мелькнуло в голове у Линдгрема. – Так вот что чувствовал Пилат, когда осудил Христа на казнь! Разница лишь в том, что Иуд кругом куда больше. Да и ты сам, судья Линдгрем Аксель, не один ли из них?»

Так внезапно был голос, прозвучавший в этот момент от двери, которая со скрипом приоткрылась, что все вздрогнули и повернули головы на звук этого голоса.

– Господа, я знаю, что подслушивать нехорошо, но это вышло у меня невольно. – В комнату вошел епископ Ханссон. На его мантии еще не успели до конца растаять хлопья мокрого рыхлого снега. Все встали, приветствуя его.

– Садитесь. – Он, не спеша, подошел к столу и оперся на него руками, склонив голову и как-то сочувственно поглядывая в сторону Линдгрема. Судья повернул голову к нему, и их взгляды встретились. Взгляд епископа был неподдельно печален и полон сочувствия. Они понимали друг друга, и на сердце судьи немного полегчало.

– Аксель, Аксель! Он пришел, и он в зале, – негромко произнес епископ. И уже подняв голову, всем остальным: – А вы, господа! Я вижу, что мнение ваше по этому делу едино? – Советники утвердительно закивали ему головой. Судья мрачно рассматривал древесный сучок на столешнице под слоем темного лака.

– Ну, что же, тем лучше. Я решил вам немного помочь, господа. Так как с такими делами вы еще не сталкивались, то я принес вам готовый текст приговора. Пусть секретарь его переписет и скрепит печатью. Благослови вас Господь! Вы сделали доброе дело, и сделали его хорошо. Прощайте, и счастливого вам Рождества!

Епископ положил руку на плечо Линдгрема, и тот ощутил ее легкое пожатие. Более не говоря ни слова, Ханссон вышел, отдав свиток с приговором в нетерпении задергавшемуся Юнассону. Дверь за ним закрылась. Всем стало почему-то неловко.

«Вот мы выйдем сейчас торжественно, в мантиях, как олицетворение правосудия и законности, которые выше всего на свете и подчинены только божественной гармонии. Все будут думать, что мы были беспристрастны и следовали духу и букве закона. И что приговор наш был справедлив, пусть и строг. Хотя именно строгость и даже жестокость есть то, что толпа ждет от судей. И мы будем про себя бормотать себе слова утешения, которые бормочут себе

все судьи уже со времен великого Рима: «Sed lex – dura lex»¹⁹. Но что кроется под мантией и судейской шапочкой как не обычный человеческий страх, который лишь колеблется между страхом перед толпой и страхом перед властью имущими? Вот ты, Аксель Линдгрем, – судья. Можешь ли ты переступить свой страх перед теми, и перед другими? Можешь, если вера в бога твоя истинна, и незыблема, иначе, ты лишь тростник, ветром колеблемый и более ничего. Если ты сможешь переступить через свой страх, тогда ты судья истинный, и, может быть, все грехи тебе простятся за это. Если же нет... тогда и господь Бог смотрит в презрении на тебя глазами этого, как его, Михаэля. Нет! Быть того не может! Он в зале, так сказал епископ. Пусть позор... Она должна чувствовать боль! Мы еще повоюем».

– Мы еще повоюем, господа! – произнес Линдгрем, вставая с кресла. – Юнассон, вы уже закончили?

Оке и Даниэль с удивлением смотрели на него.

– Ступайте в зал заседаний и сообщите о нашем выходе.

А дальше – темнота.

– Аксель, что с тобой? Ты жив?

Из мрака небытия его вырвал голос. Он почувствовал, что его несут куда-то, почувствовал чью-то руку у себя на лице и голос, очень знакомый голос. Линдгрем не мог и не хотел отвечать, ему хотелось как можно скорей снова провалиться в свое такое ласковое небытие, и оно радостно подхватило его сознание в свою гостеприимную бездну. Последнее, что донеслось до него, были слова: «Бедняга! Несите его скорей в сани!»

Во второй раз он очнулся уже на собственной кровати, закутанный в несколько одеял и с грелкой из горшка с горячей водой в ногах. Его подташнивало, и сильно болела голова. Как будто все специально ждали его воскрешения, и едва он очнулся, как двери комнаты распахнулись и в комнату торопливо вошла его дражайшая супруга Марта, за которой гусиной стайкой потянулись детишки. Из-за дверей в комнату, вытягивая индюшачьи шеи, заглядывали дворецкий и слуги. «Как все отвратительно!» – подумал про себя Линдгрем и едва смог изобразить рукой жест, который должен был обозначать, что больной никого не желает видеть. Марта выпроводила детвору за дверь и, закрыв ее, вернулась к постели. Она села на стоящий у кровати стул и вопросительно глянула на мужа.

– Аксель! Мы вчера чуть не сошли с ума! Когда приехал Освальд и сказал, что ты прийдешь пешком, я ничего плохого не подумала. Но когда прошло несколько часов, а ты не пришел, то мне в голову стали приходиться самые дурные мысли. Я побежала в суд, который был уже закрыт, и спросила охрану, куда ты ушел. Они были все пьяны и ничего не знали. Слава Богу, есть в этом мире достойные христиане: я тогда побежала к господину Стромбергу, и он поднял на ноги всю городскую стражу. Если бы тебя вовремя не отыскали, то, может быть, – Марта тут всхлинула, – мы уже тебя отпевали бы!

– Ааа, так, значит, это был полковник Матиас! – вспомнил тогда судья тот голос, что показался ему тогда таким знакомым и который он не мог определить. «Сколько же времени я тут лежу? – подумал он и повернул голову к смутно синевшему окну, покрытому инеем. – Давно надо было повесить часы прямо над дверью. Не то никогда не знаешь, который час».

Марта, всхлиывая, причитала.

– А что было бы с детьми? Оскар совсем отбилась от рук. Только и думает, как удрать на улицу к мальчишкам! С девочками еще хуже, и ты сам это знаешь. Аксель, шатайся, пожалуйста, по кабакам, когда всех троих выдашь замуж за достойных молодых людей! Что теперь скажут люди! «Это тот самый судья Линдгрем, которого стража выволокла из грязного заведения!» Фу! Я не думала, что ты способен на такое!

¹⁹ «Sed lex – dura lex» – Закон строг, но это закон (лат).

Марта заплакала. Линдгрем же, желая не раздувать скандала, лишь страдальчески перебирал под одеялом ногами и морщился.

– Марта, перестань! – наконец страдальчески произнес он. – И скажи лучше, который сейчас час?

– Наверное, около начала одиннадцатого! – сквозь всхлипывания прорвалось до его слуха.

Начало одиннадцатого! Все события дня вчерашнего вдруг отчетливо воскресли в его памяти. Значит, сейчас несчастную Ингрид Валлин везут, скованную по рукам и ногам, на Большую площадь, где плотники уже сколотили помост, в центре которого установлен столб. Валлин, босую и одетую лишь в одно грубое рубище из мешковины, как кающуюся грешницу, прикуют к этому столбу. Затем к ней подойдет пастор, который спросит, отреклась ли она от сатаны? Сатаны? Ну да, сатаны, в том случае, если это и на самом деле ведьма. А вдруг Ханссон и на самом деле прав? Ведь он лучше его разбирается в этих вещах, и его духовному оку открывается то, что недоступно другим. Как грустно-понимающе взглянул епископ ему в глаза! Он позволил вызвать в суд палача, который производил пытки над колдуньей. Ведь он мог и не делать этого. Он, епископ, понял, какие муки терзали душу судьи, и пожалел его! Да, он дал Линдгрему шанс.

– Не плачь, дорогая, – пробормотал он, натягивая одеяло на самую голову, чтобы не видеть этого постылого света. – И ступай! Я хочу побыть один.

* * *

– Ну, что же, господа, идем! – сказал Линдгрем, поднимаясь с кресла и расправляя складки на мантии. Юхансен сорвался с места, и, петляя как заяц, засеменил к двери, ведущей в зал заседаний. Оке и Даниэль нахлобучили свои шапочки и проследовали вслед за секретарем. День уже угасал, и пламя свечей едва-едва освещало лица людей, находившихся в зале. Четверо стражников вместе с сержантом охраняли выход из зала. Еще трое стояли в проходе. Вокруг ведьмы лейтенант, имени которого Линдгрем не знал, поставил также четверых. Кроме того, как было известно ему, в зале находилось еще с дюжину соглядатаев епископа, готовых пресечь любую нежелательную для суда выходку слишком рьяных нарушителей спокойствия. А там, за входной дверью, которую снаружи охраняли облаченные в доспехи мушкетеры, которых порой инспектировал сам полковник Матиас, волновалась огромная толпа, ожидавшая объявления приговора. Все было под контролем, и за это судья мог не беспокоиться. Едва Линдгрем вошел в зал, как шорох голосов стих. Все с жадным вниманием следили за судьей, и ждали, что вот-вот будет зачитан приговор. Однако судья вдруг завел странную речь. Валлин, с серым осунувшимся лицом и сбившимися седыми волосами, казалось, совсем не слушала его. «Как та, которую сожгли давным-давно под Гамбургом. Та тоже прислушивалась к тому, чего не слышали другие. Но к кому или чему? Голосу Бога, или к смеху дьявола? – мелькнуло в голове судьи.

– Сограждане мои. Вы были свидетелями суда над этой женщиной, которая обвиняется в колдовстве и иных, противных Богу и людям делах. Все мы слышали многих свидетелей и видели доказательства, которые подтверждают ее вину. Но если вы спросите меня, совсем убежден ли я – Линдгрем Аксель, как судья и христианин, что она достойна сурового наказания, то я, поколебавшись, сказал бы: нет! Все мы люди, и все допускаем ошибки. Могу или можем ли мы допустить неверное толкование той или иной улики или доказательства? Да, скажу я, и скажете вы – можем. Те самые дьявольские маски, которые применялись для бесовских игрищ, например. Не могли ли быть они просто масками? Мы ведь знаем, что, например, на маскарадах, кои являются вполне христианскими увеселениями, также употребляются всякие личины, среди них часто есть и страшные. Но кто станет обвинять ее владельца в колдов-

стве? В суде над ведьмами нет и не может быть адвокатов, это противно христианскому духу, но я, как судья, вынужден, истины ради, выступить в этом качестве. Я думаю, что сомнение в ее вине гложет также и вашу душу. Нам и мне, в первую очередь, нужны твердейшие доказательства, развевающие все сомнения и колебания ее вины. Итак, здесь ли Ларс Лундгрэн, что помогал духовной комиссии при допросах Валлин?

– Здесь я! – раздался где-то в конце зала низкий раскатистый голос.

– Выйдите сюда, господин Лундгрэн! – пригласил его судья. По проходу, толкая локтями недовольно оглядывающихся на него стражников, прошел низенький, но широченный в плечах мужчина с короткой курчавой бородой и мясистыми ушами. – Вот он я, господин судья! – заявил он, подойдя к судейскому столу. Лундгрэн обернулся к залу и поклонился, сняв с головы вязаную шапочку. – Здравствуйте, люди добрые! – Затем он снова повернулся к судье. Ведьма подняла на него глаза и задрожала всем телом. Она закрыла лицо ладонями, но судья видел, как текли ее слезы. Лундгрэн исподлбья смотрел на нее.

– В протоколах пыток сказано, господин Лундгрэн, что именно вы проводили как испытание водой, так и испытание иглами. Верно ли это?

– Все правда, господин судья! – заклокотал по залу низкий голос, от звука которого судье стало не по себе. – Все правда. Мы связали ее по инструкции, как нам сказали: правую руку к левой ноге, и левую руку к правой. Затем мы бросили ее в воду. Я и дух перевести не успел, как она уже болталась на поверхности – ну, чистый поплавок! Видать, сам дьявол ее выталкивал!

Гул голосов пронесся по залу. Валлин громко разрыдалась, но сумела справилась со своей слабостью.

– Скажите тогда, – продолжил судья свой опрос. – Часто ли вы проводите такое испытание?

– Да в первый раз проводили! – снова загрохотал «шкаф». – Я человек темный, мне все равно, потонет она или нет. Это потом пастор Томсон мне сказал, что так определяют ведьм. Ведь их дьявол старается спасти и выталкивает из воды наверх. Так вот оно.

– Сволочь! Ведьма проклятая! – раздалось в зале. – Что на нее смотреть! В костер ее!

– Тихо! – оборвал крикунов судья. – Всех, кто не может держать за зубами язык, я прикажу вывести отсюда! Имейте уважение к суду! – он перевел дыхание, и уже в спокойном ключе продолжал.

– Хорошо, надеюсь, всем все ясно. Теперь, вы, Валлин. Как вы можете объяснить то, о чем нам поведал Ларс Лундгрэн?

– Ах, господин судья! – Валлин стояла бледная. Черты ее лица обострились. Слезы на ее щеках еще не высохли и блестели при свете свечей. И она мягким кошачьим движением правой руки пыталась вытереть их. Цепь на запястье при этом мелодично звенела, и стражники косили на нее подозрительные, тревожные глаза. Судья видел, что они и, в самом деле, боялись ее. Может быть, они ждали, что дьявол придет на помощь к ней? Но дьявол не спешил.

– Я не знаю, что Вам сказать. Эти люди связали меня. Я думала, что меня утопят. Я кричала, и мне было очень страшно. Очень страшно, господин судья. Я хотела жить. Когда меня бросали в воду, я вдохнула воздуха побольше. Я молила бога о спасении. Потом я всплыла, но я умерла бы, если бы меня не вытащили из воды, потому что голова была в воде и я не могла дышать. Но меня достали. И я плакала от радости! Это все, господин судья. – Она умолкла, но вдруг, через мгновение, рухнула на колени. Цепи лязгнули о пол так, что стражники отпрянули от нее в стороны. И, стоя на четвереньках, она воздела в мольбе руки и закричала страшным душераздирающим голосом: – Вы, вы же видите, что я не виновата! Эти люди сами не понимают, что творят! Уу-у-у! Что я им сделала? Я честная христианка, и всегда была! Вам должно быть стыдно, что вы меня мучаете!

Судья побледнел как полотно. И, наверное, если бы не шум и суматоха в зале, то можно было бы услышать скрип его, увы, немногочисленных зубов. Стражники опомнились и, под-

хватив ведьму под руки, подняли ее на ноги. Она мотала головой, всхлипывая и скуля, как щенок. «Когда же это закончится! Боже, дай мне пройти до конца!», – молил про себя Бога судья. Несколько мгновений стоял он с закрытыми глазами. – Сейчас, сейчас, Аксель Линдгрен – судья. Сейчас решится все. Еще повоюем.

– Лундгрен, вы сможете при суде провести испытание обвиняемой иглой? – И запнулся: Ну, так как вы делали это тогда, в тюрьме?

Лундгрен посмотрел на него исподлобья тупым, идиотским взглядом. – Ну-у, могу. А что? – пробурчал он.

– Стража, подведите Валлин вот сюда, ближе к судейскому столу! – приказал Линдгрен. Валлин не могла идти, и стража подтащила ее к указанному месту и повернула ее, по указанию судьи, лицом к залу. Линдгрен видел, как по ее телу пробегают судороги не то от страха, не то от холода железа.

– Обнажите тело колдуньи по пояс, Лундгрен. Теперь дело за вами.

Лундгрен преобразился. Глаза его оживленно заблестели. Он мягкой пружинистой походкой приблизился к женщине. Валлин в ужасе закрыла глаза и запричитала:

– Боже мой, Боже, помоги мне. Что они делают?

Ее никто не слушал. Все смотрели на палача. Если бы он сейчас впился ей зубами в шею, то раздались бы только крики одобрения. Зрители были на его стороне. О, он был мастер! Как под руками фокусника, уже через мгновение беззвучно распались швы рубища, которым было укрыто тело Валлин. Легким движением рук он сдернул обе половины с ее плеч, и она вскрикнула, как подраненный звереныш. Она попыталась, было, прикрыть свои всё еще упрямо упругие, красивые груди с коричневыми сосками, но напрасно. Стражники крепко впились руками в ее запястья. Ужасен был вид ее ладного, но покрытого ссадинами и синяками, почти коричневого тела, и Линдгрен почувствовал тошноту и едва сдержался, чтобы не броситься сейчас же из зала.

– И чего дальше? – загудел Лундгрен. – Колоть то нечем, господин судья!

– Господин палач! – раздался пищавший голос секретаря Юнассона со своего столика. – Может быть, перья пойдут? Они у меня заточенные!

– Пойдет! – пробурчал палач, даже не дождавшись разрешения судьи. – Тащи сюда!

Юнассен торопливо поднес Лундгрену пучок перьев. Тот опробовал остроту перьев на своем пальце, и, отобрав два из них, отдал оставшиеся секретарю. – Эти годятся! Юнассен, оглядываясь, отошел к своему месту. – Теперь скажите парням, чтоб развели ведьме руки, а я буду колоть, – обратился Лундгрен к судье.

– Делайте все, как он скажет! – дал указание Линдгрен стражникам. Ооо! Если бы кто-нибудь только знал его муки! Линдгрен знал, что сейчас решится все. Он, сам того не зная почему, уже заранее предчувствовал, что это самый важный час в его жизни. Даже самые героические, или порядочные дела, которые он совершил в своей жизни, теперь казались неизмеримо мелкими и ничего не значащими. Это был шанс, который он хотел использовать, несмотря на унижение жертвы, а значит, и свое унижение также, ибо он, именно он – судья Линдгрен – пошел на это ради спасения унижаемой жертвы. Но для этого надо было, чтобы она...

Палач почувствовал себя уже совершенно в своей стихии, велел стражникам повернуть Валлин спиной к залу, и теперь она, как распятая на кресте, поддерживаемая стражниками, беспомощно смотрела расширенными от ужаса глазами на судью.

«Потерпи, милая, прошу тебя! – билось в голове судьи. – Пусть тебе будет больно, пусть очень больно, повсюду больно, и только это тебя спасет! Ты не узнаешь пламени костра!» – И в этот самый миг рука палача воткнула перо в ее спину. Она страшно охнула, лицо ее искривилось в мучительной гримасе, и тело изогнулось в тщетной попытке избегнуть боли.

– Вот так мы ее испытывали, вот так! – бормотал низким своим голосом палач, тыкая окрашенный кровью кончик пера в спину колдуньи. – Вот так!

– Довольно! – вскричал судья. – Мы видим, что она все отлично чувствует! Как и всякий обычный человек! Остановитесь, Ларсен! Нам нужны доказательства ее связи с дьяволом! Докажите это нам всем!

Палач некоторое время тупо смотрел на него а затем перевел взгляд на окровавленное перо.

– Аааа, вон оно что! – пробурчал он. – Ребята, поворотите ее лицом к добрым людям. Сейчас я все покажу! Только, – обратился он к Линдгрему, – господин судья, она же хитрая тварь! Надобно ей завязать глаза, иначе она все время орать будет.

– Юнассон! – позвал судья. – Принесите что-нибудь...

Юнассон сорвался с места и исчез в судейской комнате.

Ведьме завязали глаза. Палач снова принялся за дело, и после каждого укола пера женщина вскрикивала и извивалась, как попавшая в сеть рыба.

– Вот так! Вот так! – приговаривал палач, коя свою жертву, и его глаза горели зверским, сладострастным огнем. Он уже вошел в некий экстаз и наносил удары наугад: в живот, в шею, в плечи. И невольная жалость к несчастной пришла ко всем тем, кто видел эту бессильно трепещущую жертву, у которой не осталось сил даже для плача. Вдруг Ларсен остановился. Ведьма, изогнув тело как в эпилептическом припадке, почти полностью висела на руках стражников в ожидании новой боли.

– Вы ведь хотели это, а я и забыл! – прохрипел палач. – Смотрите!

Линдгрем, бледный, в величайшем волнении подошел поближе, чтобы лучше видеть происходящее.

– Смотрите, люди добрые! – И Ларсен двумя пальцами ухватил сморщенный, исколотый сосок на правой груди Валлин. Она охнула от боли.

– Боже, помоги мне! – едва долетело до слуха судьи. Он, хотел было, остановить палача, но тот быстрым движением руки приподнял грудь кверху. Лицо судьи исказилось как от зубной боли. Он увидел под грудью коричневатое пятно, которое формой и размером напоминало клипу²⁰. Несчастливая женщина тихо завывала от ужаса и боли, качая головой с завязанными глазами из стороны в сторону, как пьяная.

– Вот! – и Ларсен воткнул перо в самую середину пятна. Валлин никак не отреагировала на этот укол и продолжала далее качать головой из стороны в сторону. Казалось, что она лишилась рассудка.

– Вот! – и Ларсен снова всадил ей перо в то же самое место. – Смотрите, люди добрые!

Он поднял вверх пустую руку. Перо осталось торчать в середине пятна. Из-под него сочилась буроватая жидкость. Валлин не закричала, не забилась, не заплакала. Она безвольно висела на руках стражей.

– Она ничего не чувствует! Это дьявол! – донесли до почти потерявшего сознание судьи слова Ларсена. Он едва успел повернуться и сделать один шаг назад, к столу, как тишина в зале лопнула.

– Дьявол!

– Это ведьма! Убей ее, Ларсен!

– Тварь на костер! Тварь на костер!

Свист, топот ног, крики, стук алебард стражи – все слилось в одно мгновение в нечеловеческий рев, как будто некое страшное чудовище ворвалось в зал. Оглушенный, раздавленный Линдгрем видел перед собой привставших из-за стола и белых как полотно, Оке и Даниэля, секретаря Юнассена с дрожащими губами. Все трое переводили взгляд с Линдгрема на

²⁰ Клипа – мелкая шведская монета квадратной формы.

зал с ревущей толпой и обратно, не отваживаясь что-либо предпринять. Линдгрем подошел к столу, шатаясь как пьяный, и одна лишь мысль жгла его в тот страшный момент: «Значит, он не солгал! Значит, он был прав. Значит, я проиграл! Мы проиграли! Все кончено!»

С диким ревом и топотом слился выстрел, раздавшийся вдруг в зале, и судья медленно оглянулся на его звук. Как в тумане увидел он полковника Матиаса, неизвестно откуда материализовавшегося в проходе, с пистолетом в поднятой руке, из ствола которого еще струился дымок. Вокруг него несколько мушкетеров в кирасах лупили разбушевавшихся людей шпагами плашмя налево и направо. Шум в зале начал стихать, и судья, опомнившись, наконец, дал знак стражникам отвести Валлин вниз, на ее обычное место. Ларсен тоже был отпущен и мигом растворился в толпе. Линдгрем сел на свое место. Текст приговора лежал перед ним, но он не мог опомниться, и некоторое время бессмысленно смотрел на страшный лист бумаги, как оглушенный мясником перед закланием бык. Тишина поразила его. Он поднял голову и увидел полковника Матиаса Стромберга, который стоял в проходе и печально смотрел на него. Их взгляды встретились, и Линдгрем увидел, как полковник ему незаметно кивнул и закрыл глаза. Тогда судья тяжело встал и дрожащими пальцами развернул свиток с приговором. Первые слова он произнес шепотом, никто, кроме советников, их не услышал. Через мгновение он, наконец, справился с собой и голос его окреп, но сам Линдгрем совершенно не помнил, как он прочел текст до конца. Затем, когда текст уже закончился, судья тупо уперся взглядом на чистое поле внизу листа и все еще не мог понять, что все свершилось.

– Ты же знаешь, что я невиновна! Вы же видите, что я невиновна! Люди! Что я сделала вам!

Линдгрем поразился этому, неожиданно чистому, звонкому голосу, исходившему из груди этой изможденной, замученной и обреченной женщины.

– Вы не христиане! Вы убийцы! Пусть будет вам всем стыдно! – продолжала кричать Ингрид Валлин, обводя безумным взглядом толпу вокруг себя. Стражники, бледные и растерянные, смотрели вопросительно друг на друга.

– А ты! – обернулась она к Линдгрему. – Ты судья несправедливый, будь ты проклят! Будь ты проклят больше их всех!

Страшно рассмеявшись почти безумным смехом, она подняла руку, указывая на помертвевшего, парализованного ужасом судью. Цепь, как змея, вцепившаяся в запястье, раскачивалась, негромко позванивая, и Линдгрем завороченно смотрел на ее скрюченный коричневый палец, направленный на него, как ствол пистолета.

– Ты знаешь правду и все равно убиваешь меня! Так будь же ты проклят! – Валлин хохотнула каким-то жутким смешком, от которого у всех по коже прошли мурашки, и почти безразлично закончила, опустив голову: – Раз твои руки в моей невинной крови, так пусть же они принесут смерть и тебе самому!

Металлическая змея лязгнула в последний раз, и зал снова разразился криками и проклятиями. Двери распахнулись, и стража начала выгонять присутствующих из зала на улицу. Ведьме заткнули рот тряпкой и ударили несколько раз. Затем ее увели через другой, потайной выход к ожидающей ее повозке. Линдгрем слышал, как что-то говорил ему Оке Хольм, тараща на него круглые голубые глаза, но судья ничего не понимал, и лишь мычал, мотая головой, как делала это совсем недавно колдунья Валлин. Затем оба советника удалились. Ушел секретарь. Линдгрем сидел, закрыв глаза, и опомнился лишь тогда, когда обнаружил, что остался совсем один в зале и что в окнах давно отгорел закат.

* * *

К вечеру Линдгрему совсем полегчало, и он решился, наконец, покинуть свое пуховое убежище. Одевшись, он спустился в столовую и велел накрыть ужин. Слуги бросали на хозяйина полные любопытства взгляды и перемигивались между собой, но Линдгрем не обращал на них никакого внимания, вяло обсасывая ножку гуся. Ему не хотелось думать ни о чем, и все мысли его рассыпались на несвязные части, а слова слипались в бессмысленные словосочетания. Но вдруг дверь распахнулась, и в столовую вбежали румяные после прогулки дети, а за ними шествовала сияющая от счастья, розовая супруга Марта. Дети со всех сторон облепили просветлевшего отца и защебетали, как птички, каждый о своем. Они соскучились по нему, вечно пропадавшему в суде, и Аксель, усадив детвору на колени, гладил их головки и терся носом в их волосах, мурлыкая как кот.

– Так дайте же нам поговорить с отцом, маленькие негодники! – вскричала Марта. – Завтра вы все вместе пойдете на рынок, а я уж, наконец, отдохну от вас! А теперь, Оскар, Анна! – марш к себе! Лиза, возьми Марту, и ступайте играть в куклы! Мне надо поговорить с папой!

Дети выбежали прочь. Марта села напротив мужа.

– Аксель, дорогой! – начала она – Прости, что я тебе наговорила всякого утром! Мы, женщины, иногда бываем к вам несправедливы, и это наш грех. Так мне пастор в кирхе постоянно говорит.

Линдгрем улыбнулся. Он не мог понять, что такое нашло на его женушку. Та продолжала.

– Весь Стокгольм только про тебя и говорит! Сегодня сожгли эту ведьму, как её – ах да, Валлин! Говорят, что суд был такой интересный! И почему ты мне ничего не сказал! Я тоже хотела бы взглянуть на эту ведьму. Если бы не дети, я пошла бы на Большую площадь сегодня. Говорят, что она сошла с ума.

Линдгрем нахмурился. Хорошее настроение его сняло как рукой. Но Марта этого, впрочем, не заметила и продолжала оживленно сыпать дальше.

– Я не стала тебя тревожить, ведь ты, наверное, сильно устал. К тебе сегодня приходили важные господа. Полковник Матиас, еще господин епископ – он такой вежливый! Он сказал, что сама королева тебя ценит! – она перевела дыхание. – Аксель! Я так счастлива! Полковник

Матиас принес нашим детям подарки к Рождеству. Я подарю их завтра. Ты ведь не против? Ах! – тут Марта хлопнула себе ладонью по лбу. – Ах, я совсем забыла! Утром приходил еще один господин, такой неприятный господин! Он оставил тебе какой-то подарок! Он сказал, что это от господина епископа.

– Что за подарок? – настроение Линдгрема еще больше испортилось, и смутное неприятное ощущение чего-то недоброго появилось у него после слов жены о «неприятном человеке». – Где он, этот подарок?

– Сейчас я пошлю слугу за ним! – сказала Марта, направившись к двери – Он должен быть в прихожей, там он и оставался утром.

Марта вышла, а судья сидел, прислушиваясь к звукам из-за двери. Он налил себе кубок вина и залпом выпил его.

«Что-то я стал лихо пить в последнее время! – подумал он по себя – Поосторожней, Аксель!» В это время двери распахнулась, и двое слуг внесли в столовую деревянный ящик, накрытый деревянной же крышкой. Марта шла за ними.

– Ступайте! – сказал слугам судья. – Если понадобится, я позову!

Те вышли из комнаты, и Линдгремы, совершенно заинтригованные, склонились над ящиком. Ящик был около метра длиной и немного меньшей шириной. Крышка в нем была едва наживлена парой маленьких гвоздиков, и судья без труда снял ее. Глаза Марты блестели от любопытства. Дальше шел слой соломы, и она торопливо выгребла ее из ящика. Какой-то предмет округлой формы лежал накрытый куском холста на дне ящика, и Линдгрем даже захрипел от неожиданно пришедшей к нему страшной догадки, о том, что это могло бы быть. Марта с удивлением посмотрела на него и сдернула холст. Она ахнула и прикрыла рукой рот, чтобы не закричать от восхищения. На дне ящика лежали часы. Это были те самые часы, которые уже видел Линдгрем в разгромленной библиотеке ведьмы Ингрид Валлин четыре дня тому назад, но Марта, конечно же, об этом и не догадывалась. И тот ужас в глазах мужа, его бледное лицо, и дрожащие губы, были ей поэтому тоже совершенно непонятны и странны.

– Аксель, милый! Они очень красивые! Мы повесим эти часы в нашей спальне. Ты все время жаловался, что приходится выспрашивать у меня, который час.

– Не трогай их! Я еще не решил, что сделать с ними!

– Но почему? Ты же всегда хотел...

– Марта, перестань! Ты ничего не знаешь! Я сам решу, что с ними делать. Лучше скажи слугам, чтобы растопили камин в гостиной. И пожалуйста, не мешай мне! Я хочу побыть один.

Расстроенная таким оборотом дел, Марта встала и вышла за дверь, бросив на погруженного в свои неведомые мысли мужа недоумевающий взгляд.

В гостиной комнате весело потрескивали сухие еловые дрова в камине, и пучки горящих свечей придавали комнате праздничный вид. Здесь, в старинном, богато украшенном резьбой кресле, накрытом шкурой медведя, любил коротать вечера Линдгрем. Вот и в этот раз он, как обычно, сидя перед очагом, курил свою старую трубку. К курению он пристрастился на войне в Германии и всегда, набивая добрым турецким табаком трубку, вспоминал своего учителя в этом деле – шотландца О Лире. Этот О Лири был наемником и служил у всех подряд государей Европы, в зависимости от размера платы. Богословием он себя не утруждал и всегда говорил, что для Бога одинаковы все – что протестанты, что католики. Впрочем, срок службы он оговаривал заранее и честно отбывал его, отработывая, таким образом, полученные деньги. Когда Линдгрем познакомился с ним, О Лири служил саксонскому курфюрсту – союзнику шведов. Для Линдгрема до сих пор оставалось загадкой: шотландец был протестантом или католиком? В любом случае, он был славным парнем. Но другие воспоминания терзали сегодня сердце бывшего капитана драгун. Все события последних дней никак не выходили из ума судьи. Теперь прибавилась новая мука – часы, и Линдгрем ломал голову в раздумьях о том, что же ему делать с этим нежеланным и в то же время таким соблазнительным подарком. Он

выкурил одну трубку и, выбив табачный пепел горочкой на кирпичи каминного очага, сразу же начал набивать следующую. А мысль его все крутилась по прежнему замкнутому кругу. Что делать с часами?

«Моя совесть мне подсказывает, что я должен отвергнуть этот подарок. Но, Аксель, дружище, как ты сделаешь это? Кому следует его отдать? Марта говорила о «неприятном господине», и, похоже, это мой любезный Михаэль. Вернуть часы ему? Тогда они достанутся отъявленному мерзавцу и беспринципному человеку. Как его не сумел разглядеть Ханссон, уму непостижимо! Ну, нет, конечно, он знает, но пользуется им. Как, например, и этим, как его, мясником Ларссеном. Нет, нет, Аксель, это не годится! Тем более, если об этом узнает Ханссон, то он может воспринять это как оскорбление. Подарить их кому-нибудь другому тоже не представляется возможным, ибо это все равно станет известным. Слишком дорогая это вещь. Слухи пойдут по всему Стокгольму. Репутация! Решат, что Линдгрем или совсем уж купается в роскоши, или старается очистить свою нечистую совесть дорогими подарками. И дарит вещи, которые были конфискованы. Боже мой! Как я мог забыть, что ее сожгли сегодня и что это я вынес ей приговор! И это дар сожженной Ингрид Валлин мне – судьбе Линдгрему за этот приговор! Прости меня, бедяжка Ингрид! Боже, прости и ты меня! Я ничего, ничего не мог поделать. Боже, ты же видел страдания мои. Но ведь пятно... Я так надеялся, что нет никакого пятна! Что это выдумка Ханссена! Но он оказался прав! Она – ведьма! Не уверен, не знаю, неужели у них всех есть ведьмины пятна? А у той, которую сожгли в Германии, возле Гамбурга, четырнадцать лет назад, тоже было пятно? А у той девушки в Мюнхене? Может быть, их осудили злые люди, но ты-то, Аксель, – добрый человек! Ведь ты считал себя именно таким и считаешь до сих пор. И это ты, добрый человек и справедливый судья, осудил ее к сожжению на костре! Как могло такое случиться, где начинается такой ход вещей, который приводит и злых и добрых к одному и тому же преступлению против человека! К чему тогда твоя доброта и честность, судья Аксель Линдгрем? Нет! Нет! Она – ведьма! Эта Валлин! Сам не верю. Все верят, но я сам до сих пор не верю. Пусть епископ утверждает всё, что он хочет, пусть весь мир кричит о том же, а я теперь чувствую свой грех и свою вину. Бог мой, я – убийца! Подарить часы полковнику? Он чистюля, он не примет. И всегда брезгливо станет думать обо мне. Нет! Дьявол! Трубка хрипит! Где табак? Оооо, Аксель! Как ты сразу не догадался! Это ведь не что иное, как наказание божье за неправду твою! Часы будут всегда напоминать тебе о твоём преступлении, чтобы впредь ничто подобное не могло повториться! Как же я раньше не понял! Когда я буду просыпаться по утрам, то первое, что буду видеть, это напоминание о моём преступлении! Боже мой, спасибо тебе за твой урок, и да будет мне он во спасение мое. Пепел этой женщины уже засыпало снегом. А я собираюсь справлять Рождество! Боже, грех мой велик, а ты слишком добр ко мне! Так говорит мне моя совесть протестанта».

– Эй, слуги! – крикнул Линдгрем, приоткрыв дверь в полутемный коридор. Топот ног послышался на лестнице, и вскоре две физиономии, выражающие преданность и готовность к подвигу, нарисовались в дверном проеме. Линдгрем приказал перенести ящик с часами из столовой в спальню и, докурив свою трубку, поднялся туда же. Ящик уже был там. Судья скинул с него крышку и, вытащив часы, положил их на стол. Ключ для их завода он обнаружил под часами, в маленьком полотняном мешочке. Он сходил вниз за молотком и гвоздем и, вернувшись в спальню, собственноручно забил гвоздь над дверью. Некоторое время он потратил на то, чтобы найти отверстие в корпусе часов, куда вставлялся ключ, с трудом нашел его за отодвигающимся в сторону резным листиком винограда у ног Евы и снова восхитился мастерством исполнения. Стрелка часов застыла на двенадцати, и он вспомнил, что как раз в полдень была сожжена Ингрид Валлин. Но теперь он отгонял мысли о ней и об этом суде, загонял их в самые дальние уголки своей памяти. «Все кончено. Прошлое не воротишь. И надо жить дальше. «Надо порадовать Марту, – подумал он. – Я ее успел сильно обидеть. Завтра Рождество, и будет нехорошо, если мы не успеем простить друг другу все обиды». С этой мыс-

люю он снова отправился на розыски жены, которая, как выяснилось, читала детям сказку. И вот теперь, совсем как подростки, с горящими от любопытства глазами, они склонились над часами, предвкушая, своего рода, отсчет новой жизни.

– Марта, а что, если они не ходят? – выразил свое сомнение Линдгрем.

– Аксель, я не верю, чтобы кто-то осмелился подарить тебе сломанные часы. Но даже если это и так, то все равно их можно починить. И подожди!.. – с этими словами она выбежала из спальни, и, спустя пару минут, вернулась с миской воды и тряпочкой, которой тщательно протерла корпус часов от пыли. – Теперь заводи!

Линдгрем, дрожащими от волнения руками, вставил ключ в отверстие и подумал о том, что вот-вот начнется отсчет новой, неведомой еще жизни. Еще подумалось ему, что совсем недавно эти часы заводил другой человек, возможно, женщина, которую он приговорил к костру. В этот самый момент, сжав зубы, он провернул ключ на один оборот, второй, третий – пока пружина полностью не натянулась. Затем он поставил стрелку в правильное положение, согласно карманному хронометру, и бодрое солдатское «тик-так» было ему наградой. Часы шли. Марта сияла. И пока Линдгрем вешал часы на стену, она успела принести два бокала и бутылку венгерского вина, которую они и откупили, счастливо поглядывая на висящий над головой сияющий эдемский сад.

Глава 5

Ночью ему приснилось, что он босиком идет по поляне, заросшей земляникой. Солнце ярко светит, а из-под узорчатых листьев видны спелые ягоды и не опавшие еще цветки с розоватыми лепестками. Никого нет кругом, и он задумывается, куда же он идет, но не может ответить на свой вопрос. Затем он вспоминает, что где-то неподалеку должен быть брат и что его надо найти.

– Вильгельм! Вильгельм! – кричит он и оглядывается по сторонам. Потом пугающая мысль приходит к нему в голову: он идет босиком, а в траве может таиться змея, которая укусит его. Поэтому он внимательно осматривает дорогу перед собой, прежде чем сделать новый шаг. О брате он забывает, и неведомый дотоле страх закрадывается в его сердце. Он чувствует, что вот-вот случится нечто ужасное. Краешком глаза он успевает заметить какую-то тень позади себя и резко оборачивается. Кровь застывает в его жилах, и волосы становятся дыбом от ужаса. Перед ним стоит, скрестив руки на груди, Михаэль, в своем черном, зловещем платье. Он смотрит, улыбаясь, на Линдгрема, и зрачки его глаз совсем по – змеиному сжимаются в щелочку.

– Ах, вот вы где, господин Линдгрем! – говорит Михаэль. – Пойдемте, прошу вас, обыск уже закончен! – он кивает куда-то наверх и объявляет: «Они великолепны!» Линдгрем, застывший как столб, не трогается с места, и Михаэль холодной рукой берет его за локоть и тянет за собой.

– Прошу вас, пойдемте! – говорит он. – Надо заверить подписи свидетелей.

– Нет! Нет! – кричит Линдгрем и пытается высвободить руку от леденящей хватки Михаэля. Теперь он видит, что локоть его обвила черная болотная гадюка и впилась в него своими зубами.

– А-а-а-а! А-а-а-а! – с этим криком Линдгрем проснулся. Бледное, заплаканное лицо Марты склонилось над ним. Возле кровати на стуле сидел старик Лунд – лекарь, что с давних пор лечил всю семью Линдгрем. Он крепко держал руку судьи, с локтя которой, из надреза, в подставленный медный таз лилась черная кровь. Линдгрем непонимающим взглядом обвел зажженные свечи, Марту, лекаря, набухшие чернотой шторы на окнах. Взгляд его упал на часы, тепло сияющие при свете свечей. Вышло, что сейчас около восьми утра.

– Слава Богу! Вы очнулись, господин Линдгрем! – воскликнул Лунд, увидев его открытые глаза. – Ваша жена вызвала меня полчаса назад. У вас был жар и лихорадка, но сейчас, я думаю,

оснований для беспокойства нет. Я отворил вам кровь. Придется оставаться в постели этот день. Не самый лучший способ провести Рождество, но что делать?

Лунд наложил повязку на локоть судье и отошел к столу, где стал собирать в сумку свои инструменты: ножики, ланцеты, пилки, зонды. Линдгрем вспомнил войну и свое ранение.

– Никаких прогулок сегодня! – лекарь обернулся к Линдгрему и предостерегающе показал указательным пальцем. – Фру Марта! Мед, немного вина, малина и ромашка для настоя, дабы пощадить печень и удалить тяжелые мокроты из жил. Запрещается, есть плотную пищу: мясо и другие жирные блюда. Рыбу можно.

Предостерегающий перст опустил. Марта скорбно кивала, зажимая рот рукой, переводя взгляд с мужа на лекаря и обратно. Линдгрем закрыл глаза и погрузился в тяжелое забытие. Он даже не услышал, как удалился Лунд, как хлопотала вокруг него Марта, не слышал он также и тиканья часов, которые продолжали свой неутомимый бег по бесконечному кольцу времени. Он не запомнил тех снов, которые видел в своем забытии, и очнулся, лишь когда на Стокгольм опустился вечер и было снова темно, и от этой темноты шторы на окнах снова пучило, словно темнота обрела свойства и плотность воды. Темнота, неслышными, пульсирующими в ритм с биением сердца Линдгрема волнами, вливалась в комнату из окон, из-под мебели, из дальних углов, из-под тени под стрелкой часов, и только лишь пламя свечей с трудом отгоняли её назад. Судья чувствовал себя ещё более разбитым, чем утром: в ушах звенело и, несмотря на пуховые одеяла, ноги его стали ледяными. И ему немедленно захотелось снова уйти в небытие. Линдгрему даже представилось, что умереть вот так – безболезненно и тихо забывшись – было бы, наверно, даже желанным. Именно эта мысль его так напугала, что он застонал и попытался привстать с постели, но тяжесть одеяла заставила его капитулировать. Он с изумлением поразился его весу и растерянно закрутил головой.

– Что, Аксель, милый, что? – лицо Марты, с набрякшими, темными кругами под глазами, возникло, как из тумана, возле него. Жена приподняла ему голову одной рукой, а второй понесла к его губам кружку. Линдгрем без большой охоты, лишь из жалости к ней, сделал пару глотков. Вкус жидкости был неожиданно приятен и отдавал медом и травами. Некоторое время Линдгрем смотрел на жену и набирался сил.

– Марта! – с трудом шевеля губами, отчего речь его стала не вполне внятной, произнес Линдгрем – Марта, что со мной?

– Аксель, дорогой, – торопливо зашептала она, – я снова вызывала Лунда. Но он говорит, что все пройдет и что просто ты сильно простудился. Я ему верю!

Марта всхлипнула и, закрыв глаза руками, тихо заплакала, качая головой из стороны в сторону. «Совсем как та колдунья Валлин!» – подумал про себя Линдгрем.

– Марта, ты не плачь! – прошептал он. – Мне хорошо сейчас, только ноги очень мерзнут. Ступай спать, а завтра я встану.

Силы снова покинули его, и когда Марта подняла на него взгляд, судья лежал, закрыв глаза в новом приступе беспамятного сна. Ночью он снова пришел в себя, слышал тиканье часов и тихое посапывание жены, задремавшей в кресле возле него. Свечи все прогорели и погасли. Линдгрем лежал, не подавая голоса, он не хотел, чтобы Марта проснулась. Тик-так. Тик-так, – продолжали свою службу невидимые сейчас часы, как будто часовой шагал по мощеной мостовой старого города.

«Это ошибка, судья! – сказал Линдгрем сам себе. – Не надо было их брать! Нельзя было ее приговаривать к смерти! Не надо было браться за это дело! Что же я наделал! – И в этот момент, во всей ясности, и пришла к нему уверенность в своей скорой смерти. – Зачем я это сделал!»

Слезы бессилия текли у него по щекам, он их не замечал. Все стало таким ничтожным, все отмерло, отлетело как шелуха, потеряв всякий смысл, кроме этого единственного вопроса самому себе: «Бог спросит меня, зачем я – Линдгрем – судья и человек – это сделал? Ведь я

верил в Бога, ведь верно? Какая опора нужна была тебе еще? Червь, жалкий и ничтожный! Я иногда издевался над секретарем Юнассоном, который казался мне ничтожеством, потерявшим в своем страхе перед всяким начальством достоинство и издевался, чтобы напомнить ему об этом. А сам? Я оказался еще более жалким, ибо Бог испытал меня, а я не выдержал испытания. Боже! Я и трижды, и четырежды отрезался от тебя, как святой Петр! Надо позвать полковника! Надо позвать полковника Матиаса!»

Тьма снова накрыла его.

Сначала сознание возвратилась к нему в виде звуков, которые походили на бурление воды. Постепенно к лопающимся пузырям странным образом прилипали согласные и гласные, из них лепились слова, сцеплявшиеся во фразы. Фразы, сперва имевшие форму, но не имеющие смысла, наконец, его обретали, и Линдгрём постепенно стал понимать речь человека, который находился рядом с ним.

– ...Послушайте, дорогой полковник. Мой племянник, который воюет сейчас в Германии, пишет мне, что немцы ненавидят их сейчас не меньше, чем имперцев. И те и другие грабят! Все комбатанты превратились за эти 26 лет войны в орды головорезов, кочующих под знаменами защитников истинной веры по всей Европе, и занимающихся грабежом да убийством! Невзирая на национальность! Грабят испанцы, грабят шведы, грабят сами немцы, грабят французы! Мне стыдно читать, как низко пали мои соотечественники за эти года! Когда мы высадились на континенте и начали наш марш на юг с нашим великим королем, то нас встречали цветами! Вы же помните!

Линдгрём открыл глаза. Справа, у изголовья его кровати, на стуле сидел лекарь Лунд. Справа, в креслах, устроились епископ Ханссон и полковник Матиас. За ними у стены, на краешке сундука пристроилась Марта, с посеревшим заплаканным лицом и впалыми глазами. Возле двери Линдгрём успел заметить нечто похожее на раму, завешанную холстом.

«Что бы это могло быть?» – подумал он. В этот момент епископ, увидев его открывшиеся глаза, склонился над ним.

– Слава богу! Он пришел в сознание! – воскликнул Ханссон. – Дорогой друг! Вы уж трое суток не приходили в себя!

– Да, мы уж начали за вас опасаться! – добавил сбоку лекарь и взял руку Линдгрёма за запястье, видимо, чтобы посчитать пульс.

– Господин епископ! – заговорил Линдгрём слабым, едва внятным голосом, не глядя на Лунца – В ту пору, когда мы были в Германии, мы были честны и шли в бой с верой в сердце. Я убежден, что пока люди таковы, Бог помогает им. И потому мы шли от победы к победе.

– Вам не следует много говорить, Ак..., попытался прервать его лекарь, но Линдгрём лишь досадливо сделал слабый жест рукой – ...поэтому... поэтому... Ах, дьявол, я потерял мысль! Так вот: без веры и честности, что одно и то же, начинается не война, а убийство, не суд, а судилище, не семья, а блуд! Ох! Дайте мне воды!

Он отпил из поданного Лунцем стакана уже знакомого ему настоя.

– Что это там, у двери? – спросил он хрипло. Епископ живо вскочил с кресла, и, подойдя к загадочному предмету, сдернул с него холст. На Линдгрёма глянул мрачно и даже сурово пожилой человек в судейской мантии и шапочке с кистями, стоящий у судейского стола с пером в правой руке. Левая рука его величавым жестом указывала на аллегорическую фигурку богини правосудия. Это был портрет самого судьи Линдгрёма, на который тот несколько мгновений с изумлением взирал, совершенно сбитый с толку.

– Это рождественский подарок, дорогой друг, тебе, от ее Величества королевы Кристины. Художник находился в зале во время последнего заседания. Вы этого не могли знать. Нам хотелось сделать вам сюрприз! – закончил Ханссон бархатистым голосом. Линдгрём перевел взгляд на полковника и увидел на мгновение скорбную гримасу и блеснувшую слезу в уголке глаза старого вояки.

– Да, мы все поздравляем тебя, Аксель, с высокой милостью! – произнес полковник дрогнувшим голосом и, закрыв глаза, кивнул головой. Через мгновение самообладание снова вернулось к нему, и Линдгрем увидел прежнего Стромберга – твердокаменного шведского воина, настоящего потомка бесстрашных викингов. – И желаем твоего скорейшего исцеления!

Линдгрем закрыл глаза и через миг услышал, как в голос зарыдала Марта, а затем послышались ее торопливые шаги и звук закрывшейся за ней двери. Молчание воцарилось.

«Бедная Марта! Как она будет воспитывать детей одна! Боже мой! Так вот, каким я кажусь со стороны: старый, холодный, некрасивый человек! Как быстро все прошло, и вот я уже умираю. Все по словам Соломоновым: «Все суета сует и всякая суета». До поры мы ему не верим».

– Матиас, – обратился уже вслух судья к полковнику, – там, на столе есть чистая бумага и перо с чернилами. Я хочу, чтобы вы кое-что записали. Сам я уже не смогу это сделать.

Одеяло свинцово давило его, и Линдгрем про себя снова подивился его неведомой ранее тяжести. Матиас подсел к столу.

– Я слушаю тебя, Аксель, – сказал он и обмакнул перо в чернила.

– Я – Линдгрем Аксель, судья Стокгольмского суда, – начал Линдгрем слабым, с одышкой, голосом, – в присутствии епископа города Стокгольма Ханссона, начальника городской стражи полковника Матиаса Стромберга и лекаря Лунда Михеля, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю все мое имущество, как движимое так и недвижимое, моей супруге Марте Линдгрем. Кроме того, я завещаю, что часы, кои я получил в дар и кои принадлежали ранее казненной Валлин Ингрид, – при этих словах все присутствующие недоумевающе переглянулись. Полковник, однако же, продолжал скрипеть пером, – должны навсегда остаться в этой комнате как несущие для всякого их владельца зло и смерть, если он заведет их собственной рукой. Потому я запрещаю кому-либо заводить их и подстрекать к тому кого-либо еще. Ох, полковник, поставьте дату и принесите мне, я подпишу.

Линдгрем сделал попытку немного приподняться. Лунд помог ему и подложил за спину подушку для удобства. Полковник положил бумагу с текстом перед Линдгремом, чтобы тот мог ее прочесть, а затем поднес ему перо для подписи. Линдгрем был настолько слаб, что полковнику пришлось помочь ему поставить неразборчивую, с кляксой, роспись под датой: 27 декабря 1644 года от Рождества Христова.

– Теперь подпишитесь и вы, господа, – хрипло произнес Линдгрем. – У меня мало времени. Епископ стоял у картины со скрещенными на груди руками. Хмурый Лунд озабоченно раскачивался на стуле и хмыкал.

– Мы подпишемся, Аксель, обязательно, – сказал полковник, отходя к своему креслу с листом в руке. – Но, хм... Он уселся и заглянул в текст: – Причем тут часы? Мы не понимаем.

– Мне это открыл Бог, – почти прошептал судья, закрывая глаза.

– Дорогой друг! – сорвался с места епископ. – Дорогой друг, вы больны, и Бог весть, что могли себе вообразить в бреде! Часы они часы и есть, – сказал он мягко и положил свою руку на ладонь Линдгрема.

– Епископ, вы и я – солдаты! – Линдгрем открыл глаза. – Вы же знаете, что Бог иногда открывает правду некоторым людям перед смертью, чтобы они могли покаяться в своих грехах. Покаяться. А я грешен, очень грешен... Я совершил преступление, и они убили меня. Все это прочитал в моем сердце. – Он закрыл глаза и, задыхаясь, лежал некоторое время молча. Затем он посмотрел на епископа и добавил: – Вам я хочу пожелать, чтобы Бог был милосерден к вам. Ох... Вам, Матиас... Оставайтесь сами собой.

– Не говорите так, друг мой! – прервал его епископ. – Вы будете еще жить! Ваш лекарь вам это подтвердит!

Лунд, в подтверждение слов епископа, затряс головой так неопределенно, что никто не понял, подтверждал ли он слова Ханссона или отрицал их. Полковник, бледный и осунувшийся, молчал.

– Матиас, у меня к вам будет последняя просьба. – Губы Линдгрема, посиневшие и тонкие, едва уловимо выталкивали слова. Все черты лица его обострились. – Там, на столе, ключ. – Он сглотнул слюну, и на несколько мгновений замолчал. Слышно было лишь, как звонкое «тик-так» перекачивало тишину из одного угла комнаты в другой. – Там, на столе, ключ... От часов. Возьмите его и выбросьте, чтобы он никому не достался. – Линдгрем замолк.

– Но, Аксель! – тут Лунд впервые вступил в разговор. – Если ты так боишься этих часов и хочешь, чтобы они никому не приносили вреда, то почему тогда просто их не уничтожить?

Линдгрем медленно повернул голову и улыбнулся какой-то ясной, почти детской улыбкой.

– Они прекрасны, Михель, они прекрасны! – прошептал он. – Это работа большого мастера... Он он любил Бога и был честен. Я не могу...

Слышно было, как скрипело перо – это полковник Стромберг поставил свою подпись под документом.

– Тихо! – вдруг почти ясным голосом заговорил Линдгрем, и взгляд его скользнул туда, где высший судья указывал рукой своей на прах и бездну. – Тихо! Они встали! Это... это я там! Каюсь!

Рука его в последнем страшном усилии приподнялась в сторону часов, и все невольно обернулись к ним. Судья был прав: часы остановились, и тишина уже захлестнула душную, освещенную теплым светом свечей комнату своей полнотой. Стрелка остановилась в положении около половины шестого, и кающийся Адам, казалось, молил Всевышнего, чтобы снова закончилась эта тишина. Все обернулись к Линдгрему. Но тот уже не видел ни своих знакомых, окруживших его, ни часов, ни портрета, не слышал тишины, не чувствовал ни страха, ни боли. Аксель Линдгрем лежал мертвый, и на лице его все увидели улыбку. Улыбку в знак того, что он прощен. Глаза его были открыты. Потом к мертвому Линдгрему подошел епископ и закрыл его глаза тем отточенным, привычным движением, которое свойственно людям, повидавшим на своем веку много смертей и закрывшим на своем веку глаза многим умершим.

– Аксель, я не успел сказать тебе это при жизни, но надеюсь и полагаюсь на всемогущество Бога нашего Иисуса Христа. Ты говорил, что читал нечто в сердце своем. И я делаю это, как делают это все. Но иногда я многое – нет, все бы отдал за то, чтобы знать точно, голосу ли божьему внимаем мы в сердце нашем или голосу дьявола. А теперь упокойся с миром! И да примет тебя Господь в свое лоно!

Все встали и стояли молча, пока Ханссон читал молитву.

– Надо позвать Марту, – сказал лекарь. Он собрал инструменты в свой сундучок, и, оглянувшись, прибавил: – Прощайте, господа, моя помощь уже больше не понадобится, и я скорблю. Затем он вышел. Епископ Ханссон подписал бумагу.

Глава 6

Старик Линдгрем замолчал. Он стоял посреди комнаты с пустым стаканом в руке. Все смотрели на него и, казалось, ждали продолжения рассказа, но его не последовало.

– Дедушка! – рассыпался по гостинной звонкий колокольчик голоса Агнессы. – Дедушка, это так романтично! Я хотела бы жить в то время! Ах! – взгляд ее скользнул по глазам посланника, но тот не увидел в них ничего для себя. В них была лишь мечта, в которой Агнесса уже унеслась в прошлое столетие.

– Ххха! Ха-ха! – первым выразил свой скептицизм коротким смешком Берг. – Все это страшно интересно, конечно, но в жизни все проще. Человек с пьяных глаз, как следует простыл и, заработав себе воспаление легких, умер. Например.

– А я так уверена, что его просто отравили дружки этой гадалки! – с уверенностью высказалась из-под бока мужа Клара Берг. Супруг медленно повернулся в ее сторону и одобрительно кивнул головой. – Например!

Картерет дипломатично решил отмолчаться, ибо знал, что иное слово есть палач доброго дела, а дело к старому купцу у него было, и не одно.

– Что! Значит, я вру! – вскричал старик. – Он развернулся на каблуках и, несмотря на свой преклонный возраст, сорвался с места как одержимый. Через несколько секунд топот его башмаков затих на лестнице. Все слышали, как хлопнула дверь его кабинета. Затем он, багровый от гнева и волнения, появился, неся в руках небольшую шкатулку.

– Посмотрим же, дорогой своячок, как я лгу! – приговаривал он, открывая трясущимися руками крышку шкатулки. – Это я вру! Оскар Линдгрем врет!

Он открыл, наконец, шкатулку и, порывшись в каких-то, видимо, особенно важных бумагах, извлек оттуда пожелтевший от времени лист.

– Вот! Читайте, господин неверующий!

Все с любопытством сгрудились вокруг Берга, который, далеко отставив от себя лист, начал читать вслух. Все притихли. Картерет ловил каждое слово. Ему казалось, что весь этот вечер судьба устроила исключительно для него и не хотел упускать из происходящего ни слова, ни мгновения. И этот старый документ также имеет значение в его судьбе, пусть еще неясно, какое именно. Итак, он внимательно слушал.

«Я, Линдгрем Аксель, судья Стокгольмского суда, в присутствии епископа Стокгольма Ханссена, начальника городской стражи полковника Матиаса Штремберга и лекаря Лунда Михеля, – читал густым медвежьим голосом Берг. – Находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю все мое имущество, как движимое, так и недвижимое, моей супруге Марте Линдгрем.

– Дедушка, это, выходит, моя прабабушка Марта? – услышал посланник голос Агнессы. Старик, молча, утвердительно кивнул. Берг продолжил:

«Кроме того, я завещаю, что часы, кои я получил в дар и кои принадлежали ранее казенной Валлин Ингрид, должны навсегда остаться в этой комнате как несущие для всякого их владельца зло и смерть, если он заведет их собственной рукой. Поэтому я запрещаю заводить их кому-либо и подстрекать к тому кого-либо еще».

Он замолчал и еще некоторое время, скептически хмыкая, смотрел на текст.

– Сразу видно, что он сильно болел, – флегматично поглядывая на супруга, вынесла свой вердикт Амалия. – Я полагаю, что у него был бред. Ну что такого в этих часах, Оскар?

– Кстати, – вмешался Берг, – а где ключ от этих часов? Оскар, тебе никогда не приходило в голову проверить достоверность слов твоего отца?

– Нет! – резко, почти зло выкрикнул старик. – Нет, нет и нет! – Он топнул ногой и, оперев руки в бока, выставил подбородок в вызове всему обществу.

– Мой отец был человеком слова! Если он завещал поступить так, то я поступлю именно так! Ключ потерян, и завести их невозможно. Господин посланник! – глянул коротко Линдгрем на сэра Джона. – Вы должны простить меня за то, что я невольно сделал вас свидетелем мелкой семейной дрязги.

– О, вы не должны так тревожиться, мастер Линдгрем! – ответил ему посланник. – Каждая семья имеет свой скелет в шкафу, и порой он вылезает из шкафа. Уверяю вас, в моей семье шкаф трещит от скелетов всех мастей!

– А что вы думаете обо всей этой истории?

Посланник взял из рук Берга плотный, пожелтевший, несколько потертый в уголках лист. Текст был написан, судя по всему, рукой, не очень-то привычной к письму. Буквы были неровны и крупны. Одна из подписей внизу листа под текстом принадлежала также писавшему.

– Насколько я могу судить, – продолжил свои размышления вслух сэр Джон, – лица, подписавшие это завещание, были людьми весьма известными, и в их авторитете мы сомневаться не можем. Архиепископ Стокгольма и начальник городской стражи – это кое-что да значит. Далее, – он бросил быстрый взгляд в сторону Агнессы. – У нас всех возникает вопрос, почему эти важные персоны подписались под столь странным утверждением о часах? Так ведь? – посланник обвел всех присутствующих вопросительным взглядом. Все молчали, ожидая продолжения его маленького расследования. – Подписать могли лишь первую часть, которая относится к передаче имущественных прав и которая куда важнее странного пассажа о часах, не так ли? Часы здесь дело второстепенное, на которое никто тогда и внимания не обратил. Ваша супруга, – обратился посланник к старику, – вероятно, абсолютно права. Ваш отец был в бреду и мог в болезни наговорить еще чего-нибудь странного. И, тем не менее, все присутствующие тогда, при его кончине, все равно подписали бы все, так как в первой части самое важное было в начале, где речь шла о передаче имущества. Так что из уважения к умирающему и важности передачи прав они подписали бы что угодно, понимая, что все прочее неважно.

Взгляд старика помягчел. «Ах ты, старая бестия! – подумал про себя сэр Джон. – Как речь заходит о чем-нибудь существенном, так ты сразу воском таешь!»

– Еще одно соображение! – продолжил вытягивать шелковую нить рассуждения Картерет. – Суеверие, боязнь колдовства и порчи у людей того времени весьма известны. И в наше просвещенное время есть люди, которые серьезно могут рассуждать о подобных вещах. Но нам стоит ли подражать дикарям и язычникам? Поэтому вы должны простить мне некоторую дерзость, мастер Линдгрем, ваш отец – человек, несомненно, достойнейший во всех отношениях, но он, в то же время, и человек своего времени. Поэтому с сочувствием и пониманием отнесемся к его заблуждениям, как и мы сами должны просить наших потомков отнестись снисходительно к нашим.

Сэр Джон откинулся в кресле и, скромно потупив взгляд, благочестиво сложил руки на груди.

– Вот! Я всегда говорила тебе, Оскар, слушать разумных людей! – вступила в бой фру Линдгрем. – Сам Бог послал к нам сегодня господина посланника! Не то, что мы, неотесанные чурбаны! Он сразу точно все поставил на свои места! Сколько раз я говорила тебе, Оскар! Давай поставим часы сюда, в гостиную! Так нет же...

– Так, так, сестрица! – рассыпалась мелким смешком Клара Берг. – Ты, Оскар, как нечестивец, ставишь свечу под кувшин... или, как его там! А пастор на проповеди нам говорил, что ее надо ставить на возвышенное место. Чтобы она светила для всех!²¹

– Дедушка, давай завтра перенесем их сюда! – добила растерянного, озирающегося как затравленный охотниками зверь, Линдгрема Агнесса. – Они будут всегда напоминать о прадедушке. Ой, как романтично! Хочу! Хочу! – она захлопала в восторге в ладоши. Посланник нежно улыбался. Но неясное ощущение чего-то темного и страшного не покидало его. «Что-то здесь не так. Я должен разобраться в этом деле», – решил он про себя.

Вечер закончился. Карета с веселенькими бездельниками уже стояла наготове перед домом. Было еще светло как днем, и запах черемухи сгустился в вечернем воздухе. Старик Линдгрем из уважения проводил до двери сэра Джона.

²¹ ... Чтобы она светила для всех. – Искаженная цитата из Накорной проповеди Христа. Подлинный текст: И, зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме (цитируется по Евангелию от Матфея, гл. 5).

– Я должен выразить вам мою благодарность, мастер Линдгрем, за этот незабываемый прием! И надеюсь быть впредь вам полезен, – подпустил меда в свой прощальный спич посланник.

– И я, и я, мистер Картерет! – засипел Линдгрем. – Моя супруга, Агнесса... ммм, все в восторге от Вас! Но я надеюсь также, что Вы не забудете о наших договоренностях.

– Мастер Линдгрем, я сделаю все, что в моих силах. – Посланник повернулся, было, чтобы пойти к карете, но резко обернулся к старику: – Ах, да! У меня будет к Вам одна маленькая просьба, мастер Линдгрем. Ваши часы действительно великолепны! Я говорил Вам, что занимаюсь коллекционированием редких вещей, – он сделал предостерегающий жест рукой, видя перекосившееся на миг лицо Линдгрема. – Нет, нет! Не купить! Часы останутся Вашим имуществом, но я хочу, в виде маленькой компенсации за будущие ваши дивиденды, сделать с них точную копию.

Лицо старика сразу же смягчилось, и губы его расплылись в широкой улыбке.

– Ну что Вы, сэр Джон! Я всегда рад Вам помочь, имейте это в виду. Продажа, действительно, невозможна, но копия, пожалуйста, пожалуйста!

– Я пришлю слуг завтра к полудню. Прощайте! – сэр Джон надел шляпу. – И передайте мою искреннюю благодарность вашей милой внучке Агнессе за чудесную экскурсию!

Сэр Джон, более не оборачиваясь, направился к карете. Уже сидя в карете, он увидел в окне второго этажа освещенное огоньком горящей свечи лицо Агнессы, которая наблюдала отъезд гостя. Картерет успел открыть дверцу и, высунувшись, прощально махнул ей рукой. Такой же ответный прощальный жест был ему драгоценным подарком и обещанием чего-то неизвестного, светлого и нового.

Через час сэр Джон заперся у себя, в своей особой комнате, ключи от которой были всегда при нем. Здесь он занимался своей корреспонденцией, и частенько свет в узком зарешеченном окошке третьего этажа горел до рассвета. Картерет разложил все нужные для письма принадлежности, поудобнее устроился в кресле и некоторое время пребывал в раздумьях. Затем он придвинул поближе чернильницу, обмакнул в нее перо. Картерет любил писать. Ему нравилось то, как неуловимая, невидимая и неосязаемая ранее мысль обретала плоть в виде стройных, по-солдатски, строк. Что-то божественное было в этом процессе, когда из-под пера появляются целые миры, населенные мыслями, чувствами, расчетами. И эти ничтожные строчки становились грозной силой, если, конечно, их правильно использовать. А использовать их правильно и было профессией посланника ее Величества короля Георга, и мало людей было равных ему в этом искусстве. Да! Это было божественно, и сэр Джон в эти моменты чувствовал себя равным богам:

«Государственному секретарю Северного департамента²² м-ру Джеймсу Стенхоупу

Уважаемый сэр! Из достоверных источников мне стало известно, что шведский ригсдаг принял окончательное решение о заключении мира с Россией. Также достоверно известно, что это решение находит поддержку ныне правящей королевы Елеоноры. Таким образом, баланс сил на Балтийском море и на севере Европы в скором будущем изменится коренным образом не в пользу Англии.

На настоящий момент политический расклад таков, что Англия не может оказать Шведскому королевству существенную помощь. Против Швеции воюет коалиция, включающая Данию, Россию, Польшу и Саксонию при благожелательном отношении к данной коалиции, а особенно России,

²² Северный департамент – одно из департаментов английского правительства. В его ведении находились контакты с протестантскими государствами: Германией, Швецией, Норвегией и т. п. Во главе департамента стоял секретарь.

прусского короля. Таким образом, положение Швеции безнадежно. Ресурсов для ведения войны у нее практически нет, и при дальнейшем ее продолжении мы рискуем тем, что русские захватят Финляндию, или, что вполне вероятно, высадятся на территории самого королевства, чего никак нельзя допустить. В данной ситуации единственный шанс состоит в том, чтобы вывести из войны Россию, но я не вижу таких условий, при которых это могло бы произойти. Оппозиция царю в самой России подавлена, русские практически одни ворочают всеми делами на севере Европы, и я вижу единственный выход – ликвидацию самого Петра. Будем в этом честны, мистер Стенхоуп. У меня есть некоторые по этому поводу мысли, но о практическом их воплощении говорить еще рано. И дай Бог, чтобы провидение, как *deus ex mashina*²³, вдруг поправило бы все наши дела. О дальнейшем доложу в ближайшее время.

Преданный вам Д. К.»

Картерет сложил письмо и, запечатав его в нескольких местах сургучом, сразу же принялся за следующее.

«Мистеру Ричарду Смитту – неgociанту

Дорогой Ричард! Ты должен простить меня за то, что я редко тебе пишу. Но ты понимаешь, что я служу королю, а следовательно, и тебе и Московской компании, в какой-то мере. Но я надеюсь реабилитироваться за долгое молчание. Не буду томить: у меня есть к тебе деловое предложение за небольшой процент. Так как наши (твои) суда идут в порты Архангельска и Петербурга нагруженными далеко не полностью, то у меня есть в Стокгольме человек (надежный и деловой), который может продать тебе по очень либеральной цене медь и сталь, которая в цене у русских. Мы можем сорвать на этом солидный куш. Причем, между нами, надо спешить, так как война продлится, на мой взгляд, год-два. В нашем случае время это буквально деньги. Итак, жду тебя как можно скорее у себя в Стокгольме. Здесь и обговорим все детали, ибо переписка по подобным делам нежелательна.

Преданный тебе Д. К...»

– Ф-фу! – Картерет увидел, что небо в окне начало понемногу светлеть, глянул затем на часы, которые показывали начало третьего часа ночи. Он улыбнулся чему-то своему и принялся за третье письмо.

«Мистеру Томасу Картерету, эсквайру.

Дорогой Томас, буду краток: я влюблен, и, надеюсь, ты прекрасно понимаешь, что это такое. Папе напишу позже, я очень устал. Передай ему мой привет. Как он? Напиши срочно. *Твой братец...»*

Все выяснится сегодня. Утром послать слуг за часами. Сколько будет стоить копия? Что делать с ключом? Ах, какая она красивая, эта Агнесса Линдгрём! Все должно достаться ей... Все...

* * *

Сэр Джон не заметил, как заснул в кресле, и даже первый луч солнца так и не смог пробудить его.

²³ *Deus ex mashina* – Бог из машины – выражение, означающее неожиданную развязку той или иной ситуации с применением ранее не действовавшего в ней фактора.

С утра погода переменилась, и холодный северный ветер ненадолго вернул Стокгольму вид озяблого февральского города. Выспавшийся и бодрый посланник к полудню подъехал со своим обычным эскортом к дому Линдгремов. Сэр Джон, впрочем, не стал лично забирать часы, а лишь наблюдал из-за почти полностью зашторенного окна кареты, как его бездельники подошли к заветной двери и спустя некоторое время она открылась. Дело было обстряпано быстро: через минуту слуги уже грузили деревянный ящик с вензелем фирмы купца Линдгрема в карету. Впрочем, вслед слугам выскочил дворецкий, который заставил тех подписать расписку о передаче имущества. «Купец всегда остается купцом!» – одобрительно подумал о старике сэр Джон. Он надеялся хотя бы вскользь увидеть Агнессу, но как бы он не всматривался в заветные окна, но так никого не увидел. Часы лежали на подушках кареты перед ним, и он, вздохнув, отдал приказ следовать на улицу святого Ангела, где держал свою лавку часовщик Арнольд Алм. Арнольда посланник знал уже с давних времен и порой заходил к нему проконсультироваться насчет починки своих часов или покупки старинных, которые шли в пополнение коллекции в Англии. В своем ремесле часовщик знал толк, и сэр Джон это ценил. Стокгольм был, в общем, небольшим городом, и через двадцать минут копыта коней посланника уже зацокали по мощеной булыжником мостовой улицы Святого Ангела. Карета остановилась, и сэр Джон не спеша выбрался наружу.

– Несите ящик осторожно! – сказал он слугам и направился к двери мастерской Арнольда. Внутри посетителей не было, и сэра Джона это обстоятельство немало порадовало. Мастерская представляла собой довольно внушительную комнату с четырьмя большими окнами, которые с наступлением ночи задвигались ставнями. В комнате стояли три стола, за которыми сидели подмастерья, занимавшиеся ремонтом или сборкой новых часов. На прилавке были выставлены образцы товара и уже отремонтированные, ожидавшие своих владельцев часы. Самого хозяина, который обычно находился за прилавком, не было, и Картерет приказал одному из подмастерьев сходить за ним. Через минуту появился и сам часовщик, который был весьма навеселе.

– А-а-а! Это вы, мистер Картерет! – не слишком-то вежливо приветствовал он посланника. – Я уж, извините, праздную свой день рождения. Майский я! Говорят, что кто в мае родится, будет жизнь маяться, а я, вот, не то! Но что же я о своем, что там у вас?

– У меня к вам вот что, – хладнокровно отвечал ему сэр Джон, скидывая крышку с ящика. Мастер склонился над ящиком, и долгое время Картерет наблюдал лишь его затылок с пучками длинных седых волос по бокам. Арнольд молчал. Заинтригованные подмастерья, как гуси, оторвались от своих занятий и вперили взоры в лысину хозяина.

– Д-д-а! – произнес, наконец, Арнольд выпрямившись. – Это... это добрая работа! Черт меня возьми, мистер Картерет, но вы принесли сюда целое состояние! Работайте, что застыли, как болваны! – прикрикнул он на своих работников. – Копотение продолжилось с новой силой.

– Мастер Арнольд! – обратился к нему сэр Джон. – Я ценю вас как большого мастера в своем ремесле, иначе, как вы сами понимаете, сюда бы не пришел. У меня к вам две просьбы. Первая: ключи от часов потеряны, и их надо будет восстановить. Ходят ли они, я не знаю. Есть шанс того, что ходят и ремонт им не требуется.

Арнольд внимательно слушал, переводя взгляд с часов на посланника. Хмель с него явно сошел. Сэр Джон, тем временем, продолжал:

– Второе: мне нужна точная копия этих часов. Точная, насколько это возможно. Я имею в виду, точная снаружи, – поправился сэр Джон, глядя, как мастер Арнольд задумчиво потирает свою лысину. – Механизм часов меня не интересует, можете вставить туда хоть мельницу, лишь бы они ходили. Сумма на затраты может быть любая... В известных пределах, – заключил, наконец, Картерет. Оба молчали некоторое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.